

Круглый стол **”Противодействие наркомании —** **важнейший элемент безопасности России”.** **Государственная дума, 22 ноября 2010 г.**

Н.В. Гончаров, член комитета Государственной думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству: 9 июня 2010 г. Указом Президента была утверждена Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. В основе концепции содержатся предложения, имеющие особое значение для повышения эффективности мер, направленных на сокращение спроса на наркотики путем совершенствования системы профилактической, лечебной, реабилитационной работы, за счет консолидации усилий и ресурсов всего общества, органов государственной власти всех уровней, общественных объединений и организаций.

Сегодня мы видим отсутствие государственной системы мониторинга развития наркоситуации или ее недостатки, следствием чего является недостаточно эффективная профилактическая деятельность, медицинская помощь, медико-социальная реабилитация больных наркоманией. Более того, в настоящее время недостаточно используется потенциал общественных организаций. В разных регионах России все выглядит по-разному, начиная от статистики, связанной с этой проблемой, заканчивая усилиями федеральных и региональных властей, различных общественных организаций.

Нам необходимо в определенной степени пересмотреть отношение к системе реабилитации лиц, больных наркоманией, необходимо разработать механизмы социального партнерства между государственными структурами, российскими корпорациями и компаниями, общественными объединениями. Возможно, найти более прогрессивный метод, дав возможность общественным объединениям приступить к некоторым саморегулируемым процессам. Не всегда законодательным путем можно обеспечить достаточный уровень контроля за системой реабилитации лиц, больных наркоманией. В связи с этим — это мнение, необходимо ввести в этой области институт саморегулируемых организаций. Это также необходимо и для того, чтобы такие организации имели свои стандарты и совершенствовали свое воздействие на институты в сфере реабилитации больных наркоманией, что, в бу-

дущем, как мы рассчитываем и надеемся, будет способствовать созданию современной системы лечения и современной системы реабилитации, приближающейся по соответствующим показателям к странам Европейского Сообщества. Так, процент потребляющих опиаты в Швеции, Финляндии, Германии — а это, практически, центр Европы, как минимум в 8 раз ниже российского.

Наркомания связана и с проблемами демографии — сокращением рождаемости, увеличением смертности. Как подсказывает клиническая практика, «подсевшие» на героин умирают через 5—7 лет после начала его систематического приема. Это означает, что Россия, только по официальным данным, от приема наркотиков ежегодно теряет до 10 тыс. чел. Однако, по экспертным оценкам, эта цифра составляет около 30 тыс. чел., а возможно, учитывая разброс, мы достаточно четкой цифры на сегодня в этой сфере не имеем. Но, тем не менее, цифра очень внушительная. В подавляющем большинстве случаев это — молодые, работоспособные, активные люди.

Угроза растущей наркотизации населения страны проявляется в различных международных сферах. Транснациональная преступность, международный терроризм, структура государственного управления — все несет серьезный ущерб и общество теряет и в экономике, и в системе государственного управления, а также в социальной сфере. Это рост смертности, рост заболеваний, сопутствующих употреблению наркотиков, углубление социального расслоения общества, демографический спад и ряд других вопросов, которые очень остро влияют на сегодняшнюю жизнь в России.

Отсутствие единого подхода к системе учета распространенности наркомании и ее последствий мешает объединить усилия ведомств и организаций, призванных вести борьбу с ней, сконцентрировать все силы на реализации антинаркотической политики. Основная тяжесть борьбы с наркоманией пока что ложится на плечи государства. Оно осуществляет правовые санкции против преступников — наркопроизводителей, наркоторговцев, сбытчиков, предпринимает меры по обнаружению мест производства нарко-

Источник: информационно-публицистический портал ”Нет — Наркотикам”. www.narkotiki.ru

тических средств и их локализации, перекрывает транши поставок. За последние 5 лет за незаконный оборот наркотиков в нашей стране осуждалось около полумиллиона человек.

Вместе с тем, реализация такого подхода к антинаркотической борьбе возможна лишь при интенсивном взаимодействии органов государственной власти и общественных структур. Ни одна глобальная проблема не решается одними лишь запретительными мерами. Мы все это знаем и понимаем, что такую задачу нам надо решать в комплексе, с учетом высказываемых на круглом столе предложений и замечаний. Я думаю, что мы рекомендуем Государственной думе — это можно рассматривать как предложение — обеспечить подготовку законопроекта, который не только предусмотрит ужесточение административной, а также уголовной ответственности за правонарушения и преступления в области оборота наркотических средств, психотропных веществ, а также их прекурсоров, но и законодательно закрепит регулирование деятельности общественных объединений в сфере профилактики немедицинского потребления наркотиков, реабилитации больных наркоманией, в том числе обеспечит возможность их добровольного объединения в саморегулируемые организации общественных объединений. России есть такие примеры, вы слышите о них, читаете в средствах массовой информации, а некоторые, возможно, имели прямое отношение к этим вопросам.

Федеральной службе Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков, совместно с Государственным антинаркотическим комитетом, необходимо провести мониторинг деятельности общественных объединений в сфере борьбы с наркоманией, профилактики и реабилитации больных наркоманией. Совместно с общественными объединениями обеспечить направления совершенствования системы профилактической и реабилитационной работы в рамках Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации. Она достаточно долгосрочна — практически на 10 лет, до 2020 г. Вопрос очень серьезный и требует серьезных консультаций и обсуждения.

Уважаемые коллеги, в нашей работе участвуют представители и федеральных структур, и общественных организаций, средств массовой информации. Я хотел бы сейчас дать возможность высказаться Селезневу Валерию Сергеевичу.

В.С. Селезнев, депутат Государственной думы Российской Федерации, член фракции ЛДПР, член комитета Государственной думы по международным делам: Насколько я понимаю, на выступление мне отводится пять минут. Я постараюсь, конечно, уложиться в них, но прошу аудиторию не оби-

жаться, если прозвучат некие резкие оценки ситуации, которая, на мой взгляд, сложилась по проблематике «круглого стола».

Почему я не мог не прийти на этот «круглый стол»? Потому что меня эта проблема беспокоит как минимум дважды: как члена комитета по международным делам, который видит, что предпринимается в международно-договорной сфере, и что мы с этого имеем, и как сопредседателя межфракционного депутатского объединения по делам инвалидов. Понятно, что наркомания ведет к двум последствиям — это смертность и инвалидность с последующей смертностью. Я хочу начать с того, что почитал статистику и понял, что количество наркоманов в стране не увеличивается. Почему? Потому что наркоманы долго не живут. Они умирают, и, поэтому, за последний год нам с радостью доложили, что количество наркоманов в стране не увеличилось, и эта «лукавая цифра» дает ощущение того, что мы эффективно боремся с наркоманией. Нет, просто увеличилась смертность наркоманов и снизился возраст умирающего наркомана.

Средний возраст умирающего наркомана по данным на 2009 г. — 28 лет. Представьте себе, если бы ежегодно не умирало 30 000 наркоманов — это официальная статистика, а я думаю, что она немножко лукавит, то тогда у нас средняя продолжительность жизни по стране была бы не 60—65 лет, а гораздо выше. Мы, наверное, должны перестать говорить о том, как хорошо было бы бороться с наркоманией и какие положительные эффекты это бы дало с точки зрения экономической, социальной и демографической ситуации.

Что касается принятия действенных законов, то здесь я с основным докладчиком совершенно согласен. Потому что у нас сейчас есть некая раздробленная, не связанная между собой последовательностью действий инициатива, которая не превращается в ту госполитику, о которой говорил Президент и о которой говорил основной докладчик. Что меня волнует? Это системность подхода наших «друзей» к уничтожению нашей нации. Я сейчас приведу некоторые примеры. Первый пример — Афганистан. Наши парней за всю так называемую «афганскую кампанию» там погибло порядка 20 000 чел. На сегодняшний день, по оценкам различных экспертов, в стране от афганского наркотрафика ежегодно умирает до 30 000 чел., — т.е. в полтора раза больше, чем за всю афганскую войну.

Что мы делаем, как мы препятствуем афганскому наркотрафику? Да никак. На сегодняшний день мы не используем те возможности, которые нам дают страны НАТО. Страны НАТО время от времени запрашивают у нас все новые и новые послабления для своих воздушных и наземных коридоров, чтобы

можно было транспортировать в Афганистан своих военнослужащих и грузы. Буквально на этой неделе мы будем обсуждать в Комитете по международным делам ратификацию двух очередных соглашений по воздушному транзиту Франция—Афганистан и Испания—Афганистан, и ничего мы с этого не получаем. Они не борются в Афганистане с тем наркотрафиком, который потом идет к нам через Узбекистан. Мы спрашиваем — почему не борются? Это достаточно закрытая информация, но к чему ее скрывать? Они говорят: мы не хотим бороться с тамошними наркобаронами, потому что не хотим, чтобы они потом стреляли в спину нашим солдатам. Послушайте, но если вы не хотите бороться, почему мы должны там вам помогать? Что вы в конце концов делаете в Афганистане? Устанавливаете там свой режим или помогаете восстанавливаться экономике Афганистана? Если вы помогаете восстанавливаться экономике Афганистана и боретесь с двумя основными вещами — наркотрафиком и терроризмом, то у нас не видно эффекта от этой борьбы.

Второй международный пример. Это может показаться странным, но я улавливаю какую-то тенденцию. БАДы. Откуда у нас идут БАДы? В основном из Китая, Таиланда и других стран, которые контролируются так называемой «китайской ОПГ». БАДы своей целью имеют достижение здоровья и красоты, чтобы девушки были худенькие. Да простят меня присутствующие здесь женщины и девушки — все они в основном красивые. Известна теория, что от красивых рождаются красивые и умные дети. Так вот, это целенаправленная акция с тем, чтобы наши красивые девушки, пытаясь сделать себя еще красивее, употребляли эти БАДы. Наша медицина и ФСКН знают, к чему приводит употребление БАДов. Оно приводит к постепенному привыканию, дальше к наркозависимости и употреблению более стойких наркотиков.

Третье: энергетические напитки. Сколько мы с вами говорим о таких напитках, как «Ягуар»? Каждый день с различных площадок о том, что такие напитки надо запретить. Уже зафиксированы многочисленные случаи, в больнице Боткина умирают люди от напитка «Ягуар» и других энергетических напитков. Мы их почему-то все равно приветствуем и реклама от них идет. В то же время мы принимаем закон о социальной рекламе, в первом чтении у нас прошел закон о социальной рекламе и ее поддержке в плане благотворительности. Я не удивлюсь, если под эту рекламу попадут такие напитки, как «Ягуар». Под брендом «Ягуар» напишут «За здоровый образ жизни» и это будет считаться социальной рекламой.

Что я предлагаю? Более эффективно бороться не на словах, а на деле. Недаром «круглый стол» орга-

низован именно Комитетом Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству. Это не «круглый стол» комитета по здравоохранению. Во вступлении, да простит меня Николай Владимирович, прозвучало больше о медицине, о реабилитации и о последствиях. Надо бороться и пресекать на корню. У нас где начинается наркомания? Слава Богу, в детском садике еще нет, но в школе начинается. Потом она культивируется в средних и высших учебных заведениях. У нас с вами включено наличие у преподавателя и вообще у всех тех, кто работает с детьми в школах и вузах, справки из наркодиспансера о том, что он не является наркозависимым, о том, что он не имел судимостей, связанных с этими статьями? Нет у нас такого положения. А между тем, днем он может преподавать, вечером он может через любимых студентов распространять эту заразу. Всем известно, что наркотик — это высокодоходный товар, и люди ни перед чем не останавливаются. Поэтому я предлагаю рассмотреть этот вопрос на «круглом столе» и внести это в законодательном порядке в обязательные условия.

Далее — создание негосударственных фондов, которые бы могли реально действовать, может быть на базе предлагаемых СРО — это хорошая идея. Саморегулируемые организации, на мой взгляд, скорее позволят навести порядок в этой сфере, потому что кто стоит у истоков саморегулируемых организаций? Надеюсь и знаю, что у истоков саморегулируемых некоммерческих партнерств и организаций стоят люди, которые столкнулись с проблемой наркомании в жизни. Это могут быть мамочки, которые видят, как они теряют, или уже потеряли, не дай Бог, своих детей, это те люди, которые пропускают через себя боль наркомании каждый день, и кому, как не им, дать возможность бороться с этим явлением. Но, когда я говорил с Каландой из Госнаркоконтроля, и спросил у него, куда деваются деньги, которые они получают от конфискатов, он сначала даже не понял моего вопроса и сказал, что они конфискаты не продают, а уничтожают. Неужели он думает, что в Государственной думе не понимают, задавая этот вопрос, что конфискаты в виде наркотиков уничтожаются? Понимаем прекрасно. Он не понял моего вопроса. Я ему потом объяснил, что речь идет о деньгах, которые они получают за конфискованное имущество ненаркотического типа, которое конфискуется по результатам судебных решений у тех, кто вовлечен в незаконный оборот психотропных и наркотических веществ. Он сказал, что эти деньги уходят в бюджет.

У меня есть конкретное предложение, которое надо законодательно закрепить. Все штрафы, все сборы и все деньги, получаемые от этого ненаркотического конфиската, должны идти в бюджет и расходоваться

целевой строкой на профилактику и реабилитацию наркомании. Вот тогда мы чего-то будем добиваться на деле. Насколько я понимаю, мое время истекло, благодарю за то, что мне предоставили слово, и прошу извинения за столь резкие оценки. Наболело.

Н.В. Гончаров: Спасибо, Владимир Сергеевич. Та «красная линия», которая вызывает тревогу, понятна всем, кто сегодня принимает участие в нашем «круглом столе». Мы прекрасно понимаем, что одними правоприменительными мерами избавиться можно только от закоренелых наркоманов, сбытчиков, распространителей. А есть механизмы, которые вовлекают в это дело незаметно и плавно — не зря сегодня упомянули об энергетических напитках, которые вызывают зависимость у сегодняшней молодежи. Учитывая возможность для развлечений, танцев до утра и подпитки организма, чтобы выдержать этот марафон, они просто заставляют молодежь употреблять то, что позволяет им чувствовать себя уверенно в этом бешеном темпе. Проблема, к сожалению, на сегодня носит совершенно безобидный вид в виде красивых баночек и бутылочек. БАДы, которыми сейчас многие увлекаются, тоже, не исключено, ослабляют иммунитет, влияют на состояние молодежи. Потому что среди взрослых потребителей наркотиков, тех, кто начал таким образом, найти достаточно сложно. Мы их, как правило, находим в самом юном возрасте. Все начинается от того, что мы не замечаем возможностей влиять на эти негативные процессы с начальных классов. У нас нет того «25 кадра», который не вовлекает, а, наоборот, отталкивает, опережает и останавливает всех, у кого есть желание что-то попробовать. У нас сегодня собрался достаточно представительный круг и специалистов, и людей, которым безразлична эта проблема, поэтому давайте предоставим возможность высказаться тем, кто хотел бы поделиться своими соображениями по этой проблеме.

Г.В. Зазулин, к.ю.н, доцент кафедры конфликтологии СПбГУ: Я более 20 лет занимаюсь проблемой наркоугрозы для нашей страны, и для меня далеко не одно и то же слова «наркомания», «наркопреступность», «наркотическая субкультура/контркультура», «молодежный наркотизм». Мы это все уже давно раздифференцировали, чтобы лучше понимать друг друга. И поэтому, если мы сегодня говорим о наркомании, то я не думаю, что нам стоит говорить о том, что называется «снижение предложения». Не надо сегодня говорить о внешних угрозах — иначе нам просто не хватит времени, которого у нас всего 2 часа. Если мы сейчас начнем все мешать в кучу, то мы мало что сумеем обсудить.

Давайте говорить о внутренних проблемах. Я считаю — очень плохо, что в современной Стратегии, которую только что приняли, нет дифференциации

антинаркотической политики на федеральную, региональную и муниципальную. В результате мы не можем сразу сказать, о каком именно сегменте мы будем говорить. Гораздо удобнее говорить против Афганистана, чем критиковать неэффективность деятельности губернаторов, многие из которых так и не включились, как того хотел Президент, с точки зрения оценки и дифференциации по эффективности своих муниципальных образований. Ведь этого сегодня практически нет, а почему? По ряду причин. В частности, мне бы очень хотелось сказать, чего нет в мониторинге, потому что о мониторинге уже говорили до меня. В мониторинге есть все, что угодно, кроме мониторинга достижения объективных целей. Достижения результатов государственной антинаркотической политики. Это, собственно и есть цель моего выступления. Я приехал для того, чтобы услышать, что неправильно в моем понимании целей. Статья об этом уже была мной опубликована в сборнике ФСКН, но дискуссии пока не получается, так что, может быть, именно здесь было бы уместно услышать ответ.

Я считаю, что, кроме мониторинга наркоситуации, надо, прежде всего, мониторить цель государственной антинаркотической политики. Где она изложена? В Стратегии, к сожалению, она изложена размыто. Она изложена там в виде процесса. А как результат она изложена в статье 4 «Закона о наркотических средствах и психотропных веществах». Фактически она, если говорить не юридическим языком, а смыслодержательно, звучит очень просто — это постепенное сокращение числа активных наркоманов и уменьшение наркопреступности. В связи с этим чрезвычайно важно в мониторингах любого субъекта Российской Федерации в первую очередь мониторить именно эти две вещи: приближаемся мы к заявленным целям или отдаляемся от них. И тогда все что мы высказываем, стремясь к системе, образуется само собой. Потому что у нас будет элемент, центрирующий все вокруг себя, и все займет свое место согласно этой системе.

Афганистан — это проблема федеральной политики России, а сегодня мне хотелось бы поговорить о другом. Конечно, с учетом латентности эти показатели нельзя напрямую заложить в мониторинг, но, когда мы подумали, есть ли такие индикаторы, которые прямо пропорционально связаны с теми показателями, которые указаны в законе, то, действительно, такие данные есть. Первое — если мы хотим, чтобы наркопреступность у нас уменьшалась, а не увеличивалась, то, в конечном счете, надо закладывать административную ответственность. Потому что каждый человек, привлеченный к административной ответственности, прежде всего за потребление, да еще с арестом на 5—10 суток, что сегодня позволяет законо-

дательством — сколько он не совершит приобретенный и сбытов, пока он вырван из незаконного оборота? Вот оно, реальное поражение наркопреступности, вот ее предупреждение. Это первый критерий, который сегодня не учитывается. Он совершенно игнорируется МВД. И ФСКН, а особенно ГАК смирился с этим, и не критикует МВД, что совершенно неправильно, за такую позицию, отсутствие предупреждения наркопреступности.

Второй показатель — это прирост количества наркозависимых, не потребляющих наркотики — прирост устойчивой ремиссии. Как только этот показатель будет заложен, так Минздравсоцразвития понадобятся общественные организации, которые этим занимаются. А пока он не заложен в мониторинг, пока мы этого не наблюдаем — они ему чужды. Минздравсоцразвития ни денег не хочет давать этим организациям, ни работать с ними не желает. У Черлина будет, я считаю, великолепный доклад по созданию системы борьбы со спросом — вдобавок к тем структурам по борьбе с предложением, которые у нас уже есть. Надо создать структуры по борьбе со спросом. Создадим. Не заработают. Начнем сейчас деньги вкладывать в снижение спроса — эффекта не получим и будем еще сильнее деморализованы. А нам надо подумать, на каких условиях давать деньги. Если губернатор включает у себя критерий оценки эффективности антинаркотической политики — давайте дадим ему денег на снижение спроса. Это — наша последняя возможность, мы очень сильно запаздываем в строительстве системы.

Знаете, отчего это происходит? Сначала Черкесов руководил ФСКН, у которой была задача всех координировать, но полномочий на это не имелось. Однако в том, что у него нет таких полномочий, он Президенту не признавался. Ему эти полномочия достались только уже, так сказать, на излете своей деятельности, удалось провести пару заседаний ГАК. Что происходит сегодня, когда, на мой взгляд, ГАК работает более эффективно? Мне хотелось бы высказать «взгляд из общества». Мне кажется, что Минздравсоцразвития, и, прежде всего, Минобр, просто саботируют работу в ГАК. Мы прямо должны сказать: саботируют. К чему это привело? Иванов не может это признать — ни один руководитель не хотел бы это признать. В результате он начинает говорить, что ГАК — это совещательный орган. Обществу не нужен ГАК как совещательный орган. Обществу ГАК нужен, прежде всего, как руководящий орган. И таким он может стать только с нашей поддержкой — если мы станем ареной обсуждений и открытого обсуждения вопросов.

Посмотрите, ни один серьезный, актуальный и острый вопрос не обсуждается публично. Я имею в

виду не только площадки Государственной думы. Полно мест, где можно это обсуждать, но это не обсуждается — вот основная проблема. Перестанем обсуждать — на всем можно ставить крест. Будем так собираться и обсуждать — выйдем из этого положения. Текст своего доклада я прислал, мне бы очень хотелось, чтобы эти показатели по итогам нашего «круглого стола» были рекомендованы для включения в мониторинг — прежде всего, на региональном уровне. Спасибо.

Н.В. Гончаров: В соответствии с действующим законодательством, Георгий Васильевич, у нас ФСКН и является основным государственным представителем в сфере противодействия незаконному обороту наркотиков, и они эту работу выполняют. Может быть, не всегда это получается так, как хотели бы вы, или мы все, решительно влиять на те процессы, которые беспокоят и нас, и вас, но, тем не менее, вся программа их деятельности и государственной политики в этой сфере имеет четкие параметры и очертания. В том числе она затрагивает и ту наркоугрозу, которую озвучил Валерий Сергеевич, потому что у нас ввоз героина происходит именно из Афганистана. Мы все это прекрасно знаем. Россию мировые наркодилеры избрали основным путем поставок этого зелья, поэтому мы не можем этот вопрос обойти и не можем его не затрагивать. Он все время будет дышать нам в спину, избавиться от него мы не сможем. А давать оценку деятельности Госнарконтроля? Есть масса всяких параметров, за которые их можно покритиковать, но нельзя отрицать то, что сегодня основным проводником государственной политики является именно эта федеральная служба.

Вопрос деятельности антинаркотической комиссии — это как раз тот вопрос, по которому можно высказываться, разъяснять друг другу свою позицию и требовать исполнения тех или иных направлений от всех участников этой комиссии. Возможности для беседы там есть достаточно широкие. Хотелось бы также, чтобы в этом обсуждении принимали участие достаточно просвещенные и грамотные, глубоко окупившиеся в эту проблему если не специалисты, то энтузиасты, потому что проблема, действительно, очень серьезная. Мне хотелось бы предоставить возможность высказаться Евлановой Ольге Александровне.

О.А. Евланова, ведущий научный сотрудник отдела проблем прокурорского надзора и укрепления законности в сфере оборота наркотических средств Академии Генеральной прокуратуры РФ: В связи с тем, что время для выступления весьма ограничено, я хочу очень коротко остановиться на пяти основных, на мой взгляд, проблемах противодействия преступности в сфере незаконного оборота наркотических средств. Безусловно, большинство проблем,

которые я сейчас здесь озвучу, касаются правоохранительной деятельности.

Первым, и, на мой взгляд, самым серьезным недостатком страдает противодействие организованным формам наркобизнеса. В 2009 г. из общего числа расследованных преступлений, производство по которым закончено, всего лишь 11,4% составили те, которые совершены организованной группой либо преступным сообществом. Правоохранительные органы до настоящего времени выявляют в основном те организованные преступления, которые совершены группами по предварительному сговору. Как всем известно, это наиболее простые формы преступной деятельности. Меньше выявляется организованных групп, и еще меньше — преступных сообществ. До сих пор сохраняются эти недостатки. Так как все мы знаем, что наркобизнес носит транснациональный организованный характер, то, пока мы не наладим противодействие этим формам организованной преступности, мы не добьемся существенных результатов.

Следующее — сбыт наркотиков. Обычно принято при оценке эффективности деятельности правоохранительных органов ориентироваться на показатели выявления сбыта наркотиков. Да, безусловно, это преступление справедливо признается одним из самых опасных в анализируемой совокупности преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков вообще. За последнее время показатели выявления сбыта значительно выросли и они достаточно высоки. Однако, если мы посмотрим более внимательно на цифры, то мы увидим, что значительная часть этих преступлений в конце года приостанавливается по различным основаниям статьи 208 УПК РФ, среди которых преобладает неустановление лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Это связано с тем, что правоохранительные органы исполняют указание Генеральной прокуратуры — есть совместное указание ФСКН и Генеральной прокуратуры, этот вопрос разрабатывался достаточно долго. Существует указание выделять в отдельное производство дела на неустановленных сбытчиков. По этим неустановленным сбытчикам материалы выделяются, дальше они просто лежат, никаких оперативно-разыскных действий по ним обычно не производится, лицо остается неустановленным и, по итогам года, дело приостанавливается за неустановлением того, кого привлечь в качестве обвиняемого. Таким образом, для иллюстрации могу сказать, что, например, в 2009 г. преступлений, квалифицированных как сбыт наркотических средств окончено расследованием было меньше половины, а именно 48,3%, а в суды направлено еще меньше — 47%.

Третий момент, о котором я хочу сказать — контрабанда. Да, безусловно, афганский наркотрафик —

это большая проблема, с этим сложно не согласиться, но, с другой стороны, территория Афганистана — это территория Афганистана, а у нас своя достаточно большая территория, и проблем на ней достаточно много, чтобы заниматься решением этих вопросов внутри собственной страны. Да, за последние годы с контрабандой есть некоторый рост, улучшение выявления. Например, в 2009 г. по сравнению с 2008 г. выявлено на 19% больше преступлений, связанных с контрабандой наркотиков. Однако, если мы с вами посмотрим по центральным федеральным округам, какова же доля выявленной контрабанды в общем числе преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, то мы увидим, что она очень маленькая. Например, в Северо-Западном федеральном округе за 2009 год доля контрабанды составила 0,7% от всех выявленных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, в Приволжском — 0,2%, в Сибирском — 0,4%. И везде показатели примерно такие. Даже если мы с вами возьмем приграничные регионы — такие, например, как Калининградская область, то в 2009 г. зарегистрировано 40 случаев контрабанды, то есть преступлений, предусмотренных статьями 188, части 2, 3 и 4. Это очень мало, поэтому, констатируя рост усилий правоохранительных органов в противодействии контрабанде наркотиков, трудно сказать, соответствуют ли они той масштабности контрабанды, о которой неоднократно заявляло и заявляет руководство ФСКН, в том числе и в связи с афганской наркоугрозой.

Четвертый момент — легализация преступных доходов. Все мы знаем, что основой для подрыва деятельности любой организованной преступной группы, тем более транснациональной организованной преступности, является подрыв их финансовой базы, а именно выявление фактов легализации преступных доходов. В том, что касается легализации преступных доходов от незаконного оборота наркотических средств, все тоже весьма непросто. Так, внесенные в апреле 2010 г. изменения в Уголовный Кодекс по существу декриминализировали большой объем действий, ранее подпадавший под признаки ч. 1 ст. 174.1 Уголовного Кодекса. Увеличили сумму легализованных средств, подпадающих под уголовную ответственность с 1 млн до 6 млн руб. Но, дело в том, что, как все мы знаем, по уголовным делам, связанным со сбытом наркотиков, обычно материальный доход по тем фактам сбыта, которые удается доказать правоохранительным органам, составляет весьма незначительные суммы. Поэтому криминализация только за крупный размер, указанная в части 1 этой статьи, создала еще большие сложности в привлечении этих лиц к уголовной ответственности. Здесь получается двойная сложная ситуация. Если раньше у нас не бы-

ло ограничения по размеру для части 1 этой статьи, то тоже были перегибы, уже в другую сторону — легализацией признавали покупку пачки сигарет после продажи дозы героина. Это, конечно, тоже совершенно недопустимо, но внесение в Уголовный Кодекс подобных изменений имеет двойные последствия — как положительные, так и отрицательные.

И, наконец, пятое, о чем я хотела бы сказать. Об этом уже много говорилось, и еще будет говориться — об огромном масштабе наркотизации населения и росте числа преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения. Да, официально у нас зарегистрировано в учетах 357 759 человек, но уже пять лет назад общее количество лиц, допускающих незаконное потребление наркотиков, оценивалось экспертами почти в 6 миллионов человек, и такая позиция нашла официальное признание в постановлении Правительства РФ по Федеральной целевой программе «Комплексные меры противодействия» о которой здесь уже говорилось. При этом статистические данные и информация врачей-наркологов, о которой, наверное, они здесь еще будут говорить, показывает, что излечивается 5—6% наркоманов. Да и то, по данным Минздравсоцразвития излечившимися считаются лица, которые не употребляли наркотики в течение года. Еще не факт, что они не вернуться к этому потреблению позднее. К тому же, эти 5—6% — это показатель крупных городов, таких, как Москва и Санкт-Петербург. Что же касается регионов, то там отсутствие реабилитационных центров не дает возможности достичь даже таких небольших показателей.

Подводя итог, хочу сказать, что, учитывая специфику преступности рассматриваемого вида, нельзя не сделать вывод о том, что залогом успеха и основой противодействия незаконному обороту наркотиков выступает комплексный подход к решению проблемы, о чем здесь уже говорилось. Это совокупность трех направлений: во-первых, это борьба с преступностью с акцентом внимания на ее организованные формы, во-вторых — это профилактика потребления наркотиков — старая профилактическая система разрушена, а новая фактически еще не создана, третье — лечение и реабилитация лиц, уже имеющих диагноз «наркомания». Обеспечение этого подхода может быть только с привлечением органов государственной власти и общественных структур в совокупности. Силами одной правоохранительной системы решить эту проблему невозможно. Спасибо.

Н.В. Гончаров: Мы как раз и собрались, чтобы на основе всей устрашающей статистики выработать некоторые другие меры и подходы, сформировать другую концепцию, которая, на наш взгляд, работает недостаточно эффективно. Это профилактика, это

медицина, это поведенческие вопросы, просвещение, профессиональное образование — вообще воспрепятствование тем дырам и лазейкам, которые, к сожалению, естественным путем образовались сегодня в вопросах вовлечения в наркоманию нашей молодежи. Эти вопросы нас, конечно, беспокоили и будут беспокоить.

И.И. Гильмутдинов, заместитель председателя комитета Государственной думы по физической культуре и спорту: Скажу кратко, всего несколько предложений. Я и в том созыве был автором ряда законопроектов, связанных с ужесточением мер ответственности в отношении тех, кто распространяет наркотики. Я до сих пор стою на этой позиции и считаю, что в отношении таких людей — я вообще даже не могу назвать их людьми, а также оргпреступности, которая этим делом занимается, и в уголовном и в административном плане необходимо усилить меры ответственности — вдвойне, втройне, вплоть до пожизненного заключения. Я считаю, что к имеющемуся блоку законопроектов надо вернуться. Подобные законы имеются в разных вариантах, внесенные не только нами, но и другими авторами, поэтому я бы попросил Комитет еще раз вернуться к ним, рассмотреть и ужесточить эти меры, потому что иначе будет неправильно.

Второе. Я считаю, что, к сожалению, государство пока мало поддерживает те организации, и, особенно, общественные формирования, которые стараются и борются с этим явлением. В том числе, необходима конкретная поддержка, в том числе финансовая, через грантовый механизм, самих молодежных организаций, которые этим процессом занимаются. Им это удобнее, сама молодежь к таким организациям тянется больше, чем к каким-то взрослым организациями. К сожалению, никакого реального механизма их поддержки сегодня нет. Я надеюсь, что с принятием наших законов, связанных с поддержкой некоммерческих организаций, будет реальная поддержка и со стороны федеральной, и со стороны, как здесь было совершенно верно сказано, муниципальных организаций и региональных властей будут конкретные меры такой поддержки, потому что одному государству это не по плечу.

Третье. Я считаю, что необходимо усилить всю материальную базу тех учреждений, которые занимаются и реабилитацией, и лечением наркозависимых. Направить туда лучших специалистов и дать хорошую заработную плату. Мы же нашли решение, когда у нас была проблема с семейными врачами? Увеличили им заработную плату — существенно ее повысили, и врачи туда пошли. Почему мы не можем дать именно этим специалистам столько, чтобы у них не болела голова о том, как заработать себе на

жизнь? Чтобы лечили, занимались этой проблемой день и ночь. Хорошие специалисты у нас есть, только они работают где угодно, но не там, где они нужны.

Четвертое. Обязательно во всех школах и высших учебных учреждениях необходимо провести тесты на употребление наркотиков. В обязательном порядке. Я понимаю — нарушение прав. Но когда речь идет о жизни и судьбе ребенка, тут уже не до меркантильности. И выявлять таких людей. Если мы их не выявляем, то мы заранее закладываем в эту группу — студенческое и школьное сообщество, таких людей, которые их потихоньку привлекают, и понятно, что будет. Таких людей надо изъять, убрать и лечить. Не допускать их к школьным и студенческим сообществам.

Пятое. Понятно, что я, как представитель профильного комитета по физкультуре и спорту не могу не сказать, что надо нам усилить работу по привлечению молодежи к занятиям физической культурой и спортом. Особенно в школах и в студенческой среде. То, чего, я считаю, мы не делали. Возьмем материальную базу наших школ и спортивных залов. Далеко ходить не надо, школа есть здесь рядом. Зайдите в спортзал и посмотрите — там практически ничего нет, кроме оборванного каната. Да и сам зал не стандартный, а какого-то половинного размера. Чем там можно заниматься? И это — в Москве. А как в других городах? Или мы думаем, что родители покупают детям спортивный инвентарь? Особенно в сельской местности — там ни залов нет, ничего нет, чтобы привлечь молодежь к занятиям физкультурой. То же самое и в высших учебных заведениях. Во многих ВУЗах очень слабая материальная база. Понаоткрывали мы ВУЗов, а занятий по физкультуре не проводим, никаких зачетов по этой дисциплине нет, на нее можно не ходить. Практически у нас свыше 50% студентов не посещает занятия физкультурой. Это ненормально. Поэтому ведется работа по созданию целостной системы — это, наверное, не предмет для сегодняшнего разговора. Можно сказать о многом, что на сегодня есть, но, к сожалению, и о еще большем, чего сегодня нет. Нет ни нормальной системы школьного физкультурного воспитания, ни такой же системы для высших учебных заведений. Работы еще много. Спасибо за внимание.

И.И. Батыршин, советник директора ФСКН России: Согласно распоряжению Правительства №466-р от 31 марта 2010 г. в настоящее время создается научно-исследовательский центр ФСКН России, в задачи которого входит научное и аналитическое обеспечение деятельности ФСКН России, Государственного антинаркотического комитета и антинаркотических комиссий субъектов федерации.

Я бы хотел сказать несколько слов о целях и задачах этого центра, как я их вижу. С моей точки зре-

ния, главной задачей центра является проектирование новых антинаркотических практик, систем деятельности по противодействию наркомании, которые бы учитывали как существующие общественные организации, так и государственные органы по борьбе с наркоманией и координировали их деятельность. Условно можно выделить четыре основных направления антинаркотических практик, которые требуют научной и аналитической разработки.

Первое направление — это социальная реабилитация и ресоциализация наркозависимых. В августе этого года, в пансионате «Космонавт» ФСКН России, мы, совместно с несколькими департаментами ФСКН и Институтом демографии, миграции и регионального развития, проводили научно-практическую конференцию «Антинаркотическая политика как инструмент социальной модернизации». На ней мы обсуждали вопрос создания национальной системы реабилитации наркозависимых и их ресоциализации. После этого, в конце октября — начале ноября мы проводили в Нижневартовске вторую конференцию по вопросам социальной реабилитации и ресоциализации, на которой уже дошли до конкретных критериев добровольной сертификации реабилитационных центров и ряда проектных предложений. В целом, я считаю, задачей является создание мощной, целостной, скоординированной системы государства и общества по социальной реабилитации и ресоциализации наркоманов. Потому что сейчас существует около тысячи негосударственных реабилитационных центров и каким-то образом с ними нужно выстраивать взаимодействие. По сути, стоит очень большой вопрос по подготовке кадров для этих центров, очень большой вопрос по обмену опытом, очень большой вопрос по эффективности антинаркотических программ, которые они применяют. Нужно их стандартизировать, нужно выработать новые эффективные программы. С моей точки зрения, нужно предложить некую систему мер по организации деятельности по координации этой социальной реабилитации и ресоциализации.

Здесь же я бы хотел сказать несколько слов о профилактике наркомании. К сожалению, очень часто большой упор делается на профилактику наркомании, но это слово сейчас обозначает все, что угодно. Под этим могут подразумевать и создание каких-то спортивных площадок, и проведение концертов «Рок против наркотиков», что само по себе достаточно смешно — пчелы против меда. Может быть раздача каких-то маек «Мы — против наркотиков». Так что слово «профилактика» сегодня обозначает все и ничего. Мне кажется более важным говорить не о профилактике потребления наркотиков среди подростков, а о социализации этих подростков. Потому что, что такое потребление наркотиков у подростка? Он просто

вырвался из общества, из семьи, из школы, из содержательного досуга. Он не профессионализируется, не получает какой-то профессиональный опыт и из-за этого он потребляет наркотики. Поэтому, если говорить о действенной системе профилактики, то нужно говорить о действенной системе социализации подростков.

Второе направление, которое, я считаю, нужно обязательно учесть, это вопрос обеспечения низовой антинаркотической безопасности — это конкретные школы, подъезды, дворы, дискотеки, на которых торгуют наркотиками. Нужно выстроить систему мер по выявлению этих точек, где продают наркотики и их ликвидации. Очень большой опыт этой работы также существует у разных общественных организаций, например, у существующих в разных городах организаций «Город без наркотиков». По сути, их деятельность, их опыт никак не востребован, не изучен и не проанализирован государственными структурами, и взаимодействие между ними никак не налажено. Можно по-разному относиться к целям и задачам этих организаций, но их эффективность в ряде вопросов, связанных с выявлением этих низовых наркопотребителей, очевидна. Нужно этот опыт изучить, обобщить и, опять же, построить целостную систему, антинаркотическую коалицию государства и общества по выявлению этих низовых продавцов наркотиков.

Третье направление — это вопрос международно-го наркотрафика. Сейчас уже все знают, что героин производится в Афганистане и идет к нам из Афганистана. Вопрос стоит в том, как организовать систему по ликвидации этого наркотрафика. И здесь встает вопрос о том, что наркотрафик из одной страны в другую — это всегда транснациональное явление, это всегда транснациональные группировки, состоящие из представителей нескольких государств. Потому что наркотик в одной стране производится, через другую страну везется и в третьей стране потребляется. То есть, обязательно существует спайка между представителями трех разных государств, и никакое одно государство эту проблему решить не может. Здесь нужно выстраивать систему антинаркотической дипломатии, взаимосвязи между различными государствами. Недавно проведенная ФСКН России совместно с США и правительством Афганистана операция по уничтожению четырех нарколабораторий один из примеров такой эффективной дипломатии. Год назад была создана правительственная комиссия Медведева—Обамы, в которой была рабочая группа по противодействию наркотикам, и эта операция по уничтожению четырех лабораторий, которая была проведена совсем недавно в Афганистане — это пример такой антинаркотической дипломатии. Но в це-

лом система взаимодействия между различными государствами по ликвидации транснационального наркотрафика не выстроена и серьезно никем не прорисована и не проработана. Это — третье направление.

Четвертое направление — это механизмы государственного регулирования в сфере борьбы с наркоманией. Это — законодательные меры, я вижу в материалах «круглого стола» уже предложен ряд законодательных мер, это финансовое и ресурсное обеспечение антинаркотических мероприятий. 11 ноября 2010 г. прошло заседание Правительства, на котором утверждался перечень государственных программ, среди которых, в частности, была и программа по борьбе с наркотиками. С моей точки зрения, очень важный вопрос — это какие мероприятия должны быть вложены в эту государственную программу, как они должны быть сформулированы.

Отвечая на предложение Георгия Васильевича по мониторингу эффективности деятельности, хотел бы сказать, что, мне кажется, что, кроме самого мониторинга эффективности достижения поставленных целей, очень остро стоит вопрос разработки путей достижения целей. Потому что можно сколько угодно долго смотреть, что эти достигли, а эти — не достигли, эти — более эффективно достигли, а эти — менее эффективно достигли. Но нужно все-таки выстроить некую систему действий, предложить ее оргпроект — как различным действующим группам функционировать по достижению тех или иных задач. Спасибо.

Ю.В. Крупнов, директор Института демографии, миграции и регионального развития: Я бы тоже хотел сказать пару слов об опыте нашей работы и сотрудничества с Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков, Государственным антинаркотическим комитетом. Как мне кажется, важнейший момент, который уже здесь звучал в предыдущем выступлении Ильнура Ильдаровича — это создание целостного механизма и системы социальной реабилитации и ресоциализации. Здесь, мне кажется, нужно сделать особый акцент, который связан с тем, что традиционно говорят о медико-социальной реабилитации, говорят о решении комплексной задачи. Но при этом, при всем уважении к медикам, к наркологам, к психотерапевтам, которые работают в этой области, нужно признать, что основной провал, основная проблема возникает именно на этапе социальной реабилитации, на этапе ресоциализации.

Это связано со многими причинами. Прежде всего, отсутствует субъект, который за это отвечает. Вторая причина связана с тем, что эти проблемы — возвращение человека в общество, его социальной реабилитации во многом связаны с тем социальным кризисом, который наблюдается в целом в нашей

стране, с той ломкой мировоззренческих платформ, которая у нас происходит. Человек, в принципе, оказывается в ситуации, когда ему нужно во-многом заново сформировать мировоззрение, заново выстроить систему социальных связей. В этой ситуации в нашем обществе оказывается не только наркозависимый, но, в принципе, любой, прежде всего, молодой человек. Это все, естественно, усугубляет проблему, связанную с социальной реабилитацией и ресоциализацией.

Второй момент связан с тем, и это тоже уже отмечалось, что социальной реабилитацией у нас в стране, в основном, занимаются негосударственные, общественные организации. Занимаются на своих основаниях, занимаются очень часто по зову сердца. Есть, конечно, и коммерческие структуры, которые работают в этой области. Но, к сожалению, в течение многих лет внимание государства в этой сфере было достаточно ослаблено, и, соответственно, ослаблен и контроль за этой сферой деятельности. Поэтому, мне кажется, что назрела ситуация, назрели необходимые условия, и понимание ряда специалистов и представителей государства о том, что надо формировать целостную систему социальной реабилитации и ресоциализации. Ее можно назвать национальной системой, потому что, мне кажется, здесь нужно создавать единую систему, которая, по моему взгляду, должна представлять из себя, во-первых, сеть реабилитационных центров, центров социальной реабилитации и ресоциализации и, второе, ряда системных механизмов, которые бы позволили обеспечить деятельность этой сети.

Очень важный момент, как мне кажется, связан с развитием механизма государственного и общественного партнерства. Это связано и с тем, что, пока что, как я уже говорил, этим, к сожалению, занимаются в основном негосударственные центры. Но мне кажется, что нужно прекрасно понимать, что если бы мы сейчас даже поставили себе задачу существенно нарастить наши возможности в этой области, то чисто учрежденческим методом, то есть формированием сети учреждений, здесь, к сожалению, проблему решить не удастся. Мне кажется, очень важно, чтобы те лучшие общественные, негосударственные центры, которые работают в этой сфере, вошли в эту формируемую национальную систему социальной реабилитации и ресоциализации. Да, в тех регионах, где таких центров не хватает, там, безусловно, нужно создавать и учреждения.

Очень важно здесь, мне кажется, опереться не только на те медицинские наркологические учреждения, которых у нас, к сожалению, на самом деле в области реабилитации очень мало. Здесь открываются возможности по созданию учреждений именно в сфере социальной защиты, социального обслуживания. Та-

кие предложения уже есть, в частности, на состоявшейся недавно конференции в Нижневартовске обсуждались инициативы Ханты-Мансийского округа по тому, чтобы департамент социального развития очень серьезно занялся развитием этого звена социальной работы. Тут, мне кажется, предстоит большая работа, и прежде всего она связана с отработкой самих механизмов оценки деятельности. Об этом тоже здесь уже говорилось. Такие попытки разработки системы стандартизации, системы сертификации уже предприняты. Мне кажется, большая работа здесь еще впереди, но главное — создать действующую систему, которая бы позволила нам отобрать те лучшие центры, которые уже работают, и совершенствовать работу этих центров, уже опираясь на помощь государства, опираясь на научно-методический потенциал государства и научного сообщества, опираясь на кадровый потенциал, который уже существует в этих центрах.

Поэтому, мне кажется, что основной акцент должен быть сделан на это, на то, чтобы организовать национальную систему реабилитации и ресоциализации. Если говорить о системных механизмах, которые должны обеспечить эффективность деятельности этой системы в целом, то здесь, мне кажется, очень важна роль антинаркотических комиссий на местах. Потому что, если мы говорим о системе ресоциализации, то это не только деятельность тех реабилитационных центров, я бы даже точнее сказал реабилитационных сообществ, которые уже существуют и этой деятельностью занимаются. Безусловно, на местах необходимо очень серьезное внимание обратить вообще на социальную структуру нашего общества, на те сообщества, которые уже существуют на территориях.

Обычно, когда говорят о реабилитации наркозависимых, прежде всего говорят о терапевтических сообществах. Мне кажется, что нужно говорить о целых сообществах, условно назовем их здоровыми сообществами, они могут быть выстроены по профессиональному принципу. Это могут быть и спортивные сообщества, и различные молодежные волонтерские движения. То есть, те сообщества, которые активно работают на территории, которые являются тем движущим механизмом, который необходимо здесь максимально задействовать и в сфере первичной профилактики, и в сфере реабилитации и ресоциализации. И антинаркотические комиссии на местах должны, конечно, максимально знать эти сообщества, понимать, какие сообщества здесь надо активно поддерживать, чтобы они росли и развивали свою деятельность, и, наоборот, знать о тех сообществах, которые проводят негативную деятельность, деятельность которых нужно контролировать, и, по возможности,

ограничивать. Поэтому здесь, мне кажется, не получится опираться только на работу самих реабилитационных центров, нужна будет более сложная система.

Теперь несколько слов о первичной профилактике. Ильнур Ильдарович здесь уже говорил, что сейчас, к сожалению, первичной профилактикой называется очень разные формы и методы работы. Мне кажется, что очень серьезно должен быть поставлен вопрос воспитания в целом, и роли школы. Безусловно, без возвращения воспитательной роли школы, ничего сделать в области первичной профилактики вообще невозможно. И здесь государство должно проявить государственную волю, а общество и общественные силы помочь государству восстановить воспитательную роль школы. Мне кажется, что без этого никаких успехов достичь нельзя. Школа должна учить, школа должна воспитывать, и тогда можно будет без каких-либо серьезных и специальных затрат на антинаркотические программы справиться с этой бедой. Но это моя точка зрения, с ней, может быть, не все согласятся. А, с точки зрения оценки деятельности региональных органов власти, мне кажется, как раз и должны быть поставлены вопросы и внесены соответствующие критерии эффективности их деятельности связанные с тем, как развивается образовательная инфраструктура — или она деградирует, или она развивается, как развивается культурная инфраструктура в регионе. Если это есть — значит, создаются необходимые условия для того, чтобы эффективно социализировалась и ресоциализировалась наша молодежь. Спасибо.

Н.В. Гончаров: Затронув схему работы территориальных антинаркотических комиссий, вы прекрасно понимаете, что можно взять любую комиссию — антитеррористическую или антинаркотическую — у них единый режим работы. Возглавляет ее губернатор, в состав ее входят, как правило, все министерства или департаменты, имеющие к этому отношение. В данном случае это министерство или департамент образования, здравоохранения, социальный, представитель ФСКН, представитель МВД и так далее. Все они с хорошими усилиями заслушивают «низы», там, где идет работа, где возвращают людей к жизни, где борются с тем, чтобы отучить от наркозависимости.

А фактически школьный блок остался в таком состоянии, что и спроса с него серьезного нет, и помощи им никакой ни от каких структур не получишь. За исключением акцентирования внимания там, где туда загнали школьных участковых, где ввели одного-двух-трех школьных психологов, где можно на ранней стадии что-то выявить и в обязательном порядке отреагировать. Но не все регионы имеют возможность содержать такие штатные единицы и активнейшим образом влиять на возможную антинарко-

тическую ситуацию и обстановку. К сожалению, эти процессы не имеют сегодня определенной вертикали, единых требований, единых норм, единых оценок в этой части.

Ни государство, ни любая другая федеральная структура этот вопрос не осилит, если он не будет заострен и не будет полностью возложен на власти субъектов, на муниципальные власти, которые должны в своей деятельности опираться на задачу, указанную Стратегией. Стратегия до 2020 г. предусматривает эти направления. Есть рабочие группы — не знаю, может ли нам представитель Наркоконтроля рассказать о результатах работы этих групп? Они изучали целый ряд направлений и, или еще находятся в работе, или позволяют уже сделать определенные выводы. Как расставить акценты? Я думаю, что, если территория будет безразлично относиться к этому процессу, то никакую школу ни Министерство образования, ни Наркоконтроль, ни МВД не вытаскают из того состояния, куда она может зайти, брошенная на произвол судьбы на месте. Для этого нужны какие-то средства, для этого нужны определенные должности, определенные специалисты, чего там явно не хватает. Я уже не говорю о том, как оборонить эту школу теми социальными привилегиями, к которым она сегодня имеет прямое отношение — здоровье, спорт, интересы, которые сегодня детям очень важны. Надо не только компьютер в классе подключить к Интернету — должно быть что-то живое, чтобы отвлекать их оттуда, куда их очень легко вовлекают наркосбытчики. Одно увеселительное заведение за десять километров заставит всю школу пешком туда топтать. Когда мы говорим, что нужно идти в спортзал, их никто не может заставить туда пойти. Нет объединенных усилий ни родителей, ни общественных организаций, ни вообще постановки такого вопроса.

В.А. Черлин, Заместитель директора Межрегиональной ассоциации НКО по решению проблем наркомании и алкоголизма «Северо-Запад», г. Санкт-Петербург: Разговор пошел таким образом, что то, что я сейчас хочу сказать, просто просится. Мне бы хотелось затронуть самые общие, структурные аспекты организации деятельности по снижению спроса на наркотики.

Если мы с вами построим любую, самую разумную, самую логичную систему, то оценивать ее мы будем все равно по результатам, по тому, что она делает. И, если мы с вами люди разумные, то если мы посмотрим на систему снижения спроса на наркотики не по частям, а в целом, то мы должны объективно сказать, что она работает крайне малоэффективно. Это если мы будем судить не по количеству десятков тонн изъятых наркотиков, а по количеству людей, которые в это вовлечены и ежегодно погибают от

употребления наркотиков. Вот тогда мы увидим, что, действительно, эффективность крайне мала.

Мало того, существующая сейчас система эффективнее работать вообще не сможет. Это совершенно точно. И у этого положения есть несколько важных причин. Первое — это то, что детально не разработана государственная политика, которая бы четко определила принципы правового, административного, организационного и функционального построения системы противодействия спросу на наркотики. Структуры снижения предложения наркотиков действуют достаточно успешно. Структуры снижения спроса на наркотики работают крайне неэффективно. А это — чрезвычайно важно. Потому что, даже если произойдет такая фантастическая ситуация и мы полностью перекроем канал поступления того же героина из Афганистана, я вас уверяю, что пройдет год — и у нас будет еще больше наркотиков, уже своих. Если есть спрос, будет и предложение.

Структуры, которые должны заниматься спросом на наркотики, разобщены, у них нет эффективного механизма координации, поскольку они находятся в разных государственных ведомствах и у них совершенно разные ведомственные интересы. Деятельность негосударственных структур, к сожалению, тоже пока мало структурирована, мало организована системно и, по большому счету, конечно, в этой области пока царит неразбериха. Кроме того, в Стратегии государственной антинаркотической политики основная часть работы по сопротивлению спросу на наркотики вновь, как и прежде, отведена медицинским структурам с достаточно неопределенным тезисом о том, что общественные организации имеют право участвовать в этой деятельности. Но, во-первых, зарубежный и отечественный опыт четко доказывает, что наиважнейшая часть этой работы — не медицинская, а психолого-социальная. В общей структуре антинаркотической помощи медицинская часть должна была бы составлять всего около 10%, и так именно и обстоит дело в большинстве стран, где это успешно применяется. Мало того, медицинская помощь сама по себе дает результативность всего 2—5%. Это официальные данные. Несмотря на это, в существующей структуре именно на эту сферу выделяется подавляющая часть финансовых средств.

Во-вторых, мировой и отечественный опыт показывает, что противодействием спросу на наркотики, профилактикой, реабилитацией и ресоциализацией наиболее успешно, по совершенно объективным причинам, занимаются и должны заниматься в первую очередь негосударственные организации — на 75—80%. Результативность их работы обычно достигает 25—85% и более, это против 2—5% медицинских. Объективность причин, по которым негосу-

дарственные организации делают эту работу намного эффективнее государственных, связана с природой болезни, особенностями психологии зависимых и спецификой работы негосударственных организаций. Это — объективные причины.

При этом деятельность негосударственного сектора в этой сфере критически мало поддерживается государством. Также критически недостаточно развито взаимодействие государства с практиками в области противодействия спросу на наркотики на стадии разработки стратегических проектов и тактических программ. И наконец, конечно, в России огромная коррупционная емкость этой деятельности, поэтому, даже та правовая база, что существует, практически не используется. Таким образом, разобщенность структур, ведущих деятельность по снижению спроса на наркотики, не дает возможности создать, координировать и поддерживать эффективно работающий механизм противодействия.

Какой из этого должен быть вывод? Необходимо кардинальное усиление деятельности по снижению спроса на наркотики. При этом попытки модернизировать современную систему, которая, по своей сути, не несет в себе эффективного механизма противодействия спросу, не могут привести к усилению результативности этой деятельности. Поэтому в России, я в этом глубоко уверен, совершенно необходимо как можно оперативнее создать новую, эффективную, централизованную государственную структуру по организации, координации, управлению и контролю над деятельностью по снижению спроса на наркотики, ответственную за эту деятельность и функционально объединяющую в себе и негосударственный и государственный сектора.

Система мер по сокращению спроса на наркотики должна представлять собой совершенно четкую функциональную цепочку. Это первичная профилактика — в нее включается целый ряд совершенно определенных вещей, которые должны рассматриваться как первичная профилактика. Это оказание первичной информационно-консультативной помощи, это оказание наркологической помощи больным наркоманией, это психолого-социальная реабилитация больных наркоманией, их близких и семей. Это социальная адаптация и психолого-социальное сопровождение и поддержка больных наркоманией и их семей. Эта цепочка действует только целиком. Из нее ни одного звена нельзя вытащить, тогда она перестает нормально работать.

Структура, ответственная за снижение спроса на наркотики, должна выполнять следующие функции: исполнение и совершенствование государственной политики в этой сфере; организация работ по координации и контролю над деятельностью разных частей

этой системы; прямое руководство деятельностью тех частей системы, которые находятся в ее непосредственном подчинении, то есть государственный сектор; регулирование и помощь, посредством различных механизмов, в деятельности тех частей системы, которые не находятся в ее непосредственном подчинении — это негосударственный сектор; определение вариантов деятельности в каждом звене функциональной цепи; разработка и реализация системы государственной поддержки, в том числе финансовой, каждого звена этой общей функциональной цепи; нормативно-правовое регулирование, обучение, сертификация и лицензирование программ и специалистов; мониторинг эффективности деятельности системы целиком. Эта структура должна обладать следующими важнейшими свойствами — это, на мой взгляд, очень важно. Именно в России она возможна только в виде единой системы с жесткой вертикалью управления. Именно в России без этого ничего не получится. И недопустимо основывать эту систему на таких формах, как межведомственные и прочие комиссии. Они могут быть очень важны, но они важны как часть системы. Всю систему они заменить не могут.

Затем, профилактику наркомании и алкоголизма, безусловно, надо объединить воедино. Профилактика — это единая проблема. Противодействие спросу на наркотики должно быть комплексным, признающим наркоманию как болезнь, имеющую биопсихосоциодуховную или культурную, если хотите, природу. Противодействие должно все эти аспекты обязательно затрагивать. В работу непременно должны быть включены как части единого механизма и государственные и негосударственные организации, поскольку, как я говорил, по ряду совершенно объективных причин, негосударственные организации именно в данной сфере деятельности оказываются более эффективными, чем государственные.

Далее, на мой взгляд, очень важный пункт. Организационная, административная помощь и поддержка, а также финансирование должны стать со стороны государства средствами централизованного регулирования системы в целом — и государственного, и негосударственного секторов. Это совершенно реальная система управления. Какие ресурсы у нас есть для этого? Ресурсы есть. Концепция государственной политики есть, основы правовой базы — есть, государственные структуры в разных ведомствах, которые этим занимаются — есть, негосударственные организации в данной сфере — есть, достаточно эффективно работающие сообщества анонимных наркоманов и алкоголиков как система поддержки — есть. Квалифицированные специалисты в данной области есть, но их крайне недостаточно. Харизматичные лидеры, имеющие опыт данной работы в государствен-

ном и негосударственном секторах, которые могли бы стать центрами кристаллизации этой новой системы — тоже есть. Варианты основных нормативных документов — стандартов и программ, с которыми можно уже начинать работать — тоже есть.

Чего не хватает? Детально проработанной правовой базы. Единой централизованной структуры, ответственной за деятельность системы противодействия спросу на наркотики. Условий для самоорганизации системы, эти условия надо создавать, помогать системе самоорганизовываться. Достаточного количества негосударственных структур, удовлетворяющих критериям необходимого качества и профессионализма. Эффективных механизмов взаимодействия государственного и негосударственного секторов, системы сертифицирования и лицензирования и системы обучения специалистов. И, к сожалению, главное. Пока нет решающей воли руководства страны и органов власти. Воли, которая должна была бы быть направлена на создание новой, реально работающей, а не формальной системы. Пока не видно эффективных шагов в этом направлении.

Я могу здесь обратиться к представителям власти и надеюсь, что мой крик души будет услышан. От вашей позиции, от ваших решений сейчас очень многое зависит. Здесь, во власти, многие важные решения принимаются и реализуются годами, но у нашей страны, у наших детей, которые тонут в этой наркомании, такого времени уже нет. Нам все равно придется создавать такую же или подобную систему. Она должна быть не виртуальная, не политическая, а по-настоящему рабочая, причем не через несколько лет, а уже сейчас. Ложка пока еще дорога к обеду. Спасибо за внимание.

В.К. Доронкин, сотрудник Синодального отдела Московской Патриархии по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви, эксперт Общественной Палаты: У нас сегодня идет достаточно хороший, содержательный разговор касательно снижения спроса на наркотики, очень приятно видеть здесь специалистов, с которыми мы все время встречаемся, видимся, друг друга знаем, знаем, что каждый из нас скажет. К сожалению, здесь пустуют кресла представителей других секторов нашего общества — к сожалению, ушли Валерий Сергеевич и другой представитель Государственной думы.

В разговоре, который мы ведем, я целиком поддерживаю Владимира Александровича и Георгия Васильевича Зазулина по поводу критериев эффективности. Но мы все вместе замечательно описываем некий камень, который все мы, здесь присутствующие, столкнуться не можем. Здесь в кулуарах мы со всеми специалистами говорим, и Владимир Александрович

тоже говорит, что должна быть создана какая-то структура, которая сможет. И все говорят, что пока Президент такую структуру не возглавит, ничего не изменится. Мы будем говорить о снижении спроса, о наркоугрозе, наркотрафике и так далее, но надо констатировать, что в обществе сейчас эта тема становится все более и более горячей. Пример — дело Егора Бычкова, другие подобные дела. Я думаю, что это будет нарастать все больше и больше.

По сентябрьским опросам ВЦИОМ, 57% граждан нашей страны основной опасностью для себя видят не голод, не войну, не разруху, а алкоголизм и наркоманию. И против этого, как говорится, никуда не поперешь. И абсолютно точно можно констатировать, что у нас в стране отсутствует социальный заказ на результат деятельности по снижению спроса. Как сказал Георгий Васильевич, нет мониторинга достижения целей. Абсолютно. И прозвучавшие категории увеличения числа наркозависимых с большей ремиссией, уменьшения числа потребляющих наркотики — за эти показатели никто не спрашивает и никто за это не отвечает. Нет субъектов, которые бы этим занимались. За это не отвечает Государственная дума — это не ее дело. Некому спросить с Государственной думы за то, что не приняты законы, о которых мы тут все говорим — то есть, существует некая пустота. Я во всех аудиториях, где мы выступаем, обращаю внимание на отсутствие в нашей понятийной правовой базе понятия социальной реабилитации людей, зависимых от наркомании, алкоголизма. Почему это важно? Почему важно разделять медицинскую и социальную реабилитацию, почему это — разные понятия? Потому что общество не волнует состояние здоровья наркомана, не волнует, как он себя чувствует. Общество волнует место наркомана в обществе и его отношение к этому обществу.

Мое глубокое убеждение, что акцент в работе с зависимыми людьми должен быть смещен в законодательной базе на закон о социальном обслуживании. В нем должен появиться термин «социальная реабилитация», понятие, что это такое. Тогда, как говорит Георгий Васильевич, мы сможем говорить, есть социальная реабилитация или ее нет, сколько социально прореабилитировано. Также сегодня Татьяна Юрьевна будет говорить о методах общественной саморегуляции, и Николай Владимирович сказал о том, что нужно эти методы развивать и усиливать. Но у нас саморегуляция ни в здравоохранении не работает, ни даже в строительстве, с железяками мы не можем эту саморегуляцию ввести. Чего уж тут говорить о душах и судьбах людей — какая там саморегуляция может быть? То есть, ключевые вещи: отсутствие понятия социальной реабилитации, отсутствие системы правового принуждения к этой самой социальной реабили-

тации, отсутствие мониторинга достижения цели, и, в итоге, отсутствие социального заказа.

В заключение хотел бы сказать, что в раздаточных материалах к сегодняшнему «круглому столу» есть наши предложения — проекты поправок к законодательству по социальному обслуживанию, по альтернативному наказанию. На наш взгляд, они могли бы способствовать преодолению правовых пробелов в нашем законодательстве. Причем они не носят радикального характера, и, на мой взгляд, не ведут к увеличению бюджетов и прочим подобным последствиям. Нам нужно хотя бы введение понятий. Спасибо.

Н.В. Гончаров: Спасибо, Валерий Константинович, вы внесли достаточно подробный проект поправок, конечно концентрация или оттачивание тех или иных позиций, их совершенствование, требуются в любом вопросе. Мы, по окончании нашего «круглого стола», конечно, соберем узкий круг специалистов, обменяемся мнениями, сфокусируем все эти вопросы и соберемся вновь. Конечно, нам надо будет это обсуждать.

Т.Ю. Тагиева, Президент Свердловской областной общественной организации «Центр поддержки гражданских инициатив «Открытое общество», г. Екатеринбург, к.ю.н.: Здесь уже упомянули о проблеме саморегулирования, мне хотелось бы немного рассказать о практическом опыте запуска этого механизма. Здесь очень много говорилось о том, что нужно изменить, и я с этим полностью согласна, но мы пытались сделать то, что можно, в той ситуации, которая существует сегодня. Нам хотелось понять, можно вообще что-то сделать, если не меняются принципиальные параметры? Мы исходили из следующего. В рамках модернизации страны в настоящее время взят официальный курс на сокращение участия государства в тех сферах, где его присутствие во всей полноте не является необходимым. Так неоднократно формулировал эту мысль Президент России. И мейнстрим этого курса — развитие системы саморегулирования. С учетом этого сформировавшегося тренда — его, кстати, пытались уже запускать многие — и в банковской сфере, и в строительной отрасли, и в сфере ЖКХ, а сегодня об этом очень много говорят медики.

Мы попытались разработать и реализовать проект, который мы назвали «Развитие саморегулирования в сфере деятельности АННКО, занимающихся социальной реабилитацией». В качестве исходных точек мы опирались на следующие посылы. Механизм саморегулирования осуществляется, основываясь на разработке правил и стандартов предпринимательской и профессиональной деятельности, которые исходят от действующих субъектов соответствующего сообщества и ими же утверждаются. Государство, в

случае развития саморегулирования, в лице уполномоченного органа, об отсутствии которого тут много говорили, формирует национальные стратегии, осуществляет общий надзор за результатами деятельности — о критериях, опять же, говорил Георгий Васильевич, и следит за легитимностью протекающих процессов, обеспечивая, тем самым, единство национальной системы, о чем здесь, опять же, уже было сказано.

Второй посыл, на который мы опирались. Услуги по социальной реабилитации обладают существенной спецификой, они относятся к разряду так называемых «доверительных благ», то есть тех благ, оценка качества услуг по предоставлению которых не может быть произведена сразу после их окончания. Это делает принципиальным то, что для повышения уровня эффективности такого рода услуг принципиально важно, чтобы организации, их производящие, ориентировались не просто на предоставление услуг, но на решение проблем клиентов.

Третий посыл, который был для нас очень важен. Мы понимали суть социальной реабилитации как услуги, которая состоит в создании в ходе реабилитационной программы условий, позволяющих человеку не просто отказаться от употребления наркотиков, а выйти из сферы влияния наркотической субкультуры и вернуться в большой социум. Другими словами, в основе социальной реабилитации лежит процесс изменения ценностных ориентиров наркозависимых через воздействие субкультуры восстанавливающих сообществ.

В рамках первого этапа проекта, который завершился у нас в октябре 2010 г. проведением второй ежегодной конференции российских АННКО, мы ставили следующие цели. Первое — это формирование сообщества антинаркотических некоммерческих организаций, которые заинтересованы в процессе развития саморегулирования. Второе — разработка стандарта АННКО и регистрация соответствующей системы добровольной сертификации. Третье — создание сообщества внутренних аудиторов системы добровольной сертификации, как основы формирования профессионального сообщества сотрудников ННКО и проведение пилотной добровольной сертификации. Четвертое — это развитие системы взаимодействия с заинтересованными сторонами, в которой мы, в свою очередь, среди этих заинтересованных сторон видим органы власти.

Результаты реализации этого этапа сегодня выглядят так. В орбиту нашего проекта в той или иной мере вовлечены лидеры и сотрудники не менее 100 российских антинаркотических организаций. Это те, кто уже в том или ином виде заявили о своем желании участвовать. Разработан стандарт ННКО.

В разработку новых фрагментов стандарта в последнее время активно включились другие организации, он стал реальным инструментом обобщения передового опыта сектора. Зарегистрирована в установленном законом порядке система добровольной сертификации. Сегодня 120 сотрудников ННКО из разных регионов России получили сертификаты внутренних аудиторов системы СДС АННКО. Проведена первая сертификация — это центр «Спасение» в городе Асбесте Свердловской области. Региональная антинаркотическая комиссия Свердловской области положительно оценила опыт применения системы сертификации на основе стандарта АННКО. Инициировано создание региональных координационных советов АННКО в семи регионах. Проведена кампания по ликвидации «закрытых детоксов» в АННКО. Сегодня эта практика у АННКО, вовлеченных в проект, отсутствует. Это то, о чем говорил фонд «Город без наркотиков» как о единственной технологии осуществления реабилитации.

В регионах, включившихся в проект, развиваются механизмы взаимодействия АННКО с властными структурами и другими заинтересованными сторонами. Скоординированы усилия имеющихся в сообществе обучающих центров с целью повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников АННКО, выработке профессионального стандарта образования для сотрудников АННКО, мне это представляется очень важным. Проведено две научно-практические конференции российских АННКО. Тема первой — «Нормативно-правовое регулирование АННКО», второй — «Стратегический план развития российских АННКО». Разрабатывается партнерский проект со свердловским региональным отделением «Опоры России» по развитию частно-государственного партнерства в социальной сфере в целом. Мне кажется, что развитие процессов социальной реабилитации должно идти не отдельно, но в русле реформ в социальной сфере в целом. Реализуется партнерский проект с консалтинговой фирмой «Новые коммуникационные системы», которая работает в 70 регионах России, по поддержке проекта в сфере внедрения IT-технологий. Но если говорить об итогах, мы считаем самым ценным итогом то, что в сфере деятельности АННКО удалось инициировать достаточно масштабный и живой процесс, нацеленный на профессионализацию и модернизацию данного сектора.

В настоящее время мы приступили к формированию второго этапа. В связи с этим была подготовлена стартовая версия стратегического проекта «Социальные инновации — 2020», которая сегодня разослана участникам проекта по онлайн-сети с целью получения замечаний и предложений. Поскольку времени

мало, я не буду подробно рассказывать об этом проекте, коснусь только некоторых принципиальных моментов. В частности, хочу отметить, что данный стратегический проект разработан в рамках положений Стратегии государственной антинаркотической политики до 2020 г. В то же время он имеет своей целью конкретизировать то, о чем говорил господин Зазулин, а это очень важно — ввести конкретные критерии исполнения и механизмы исполнения. Общая стратегия не дает необходимой детализации. Цель проекта определена так: «Инновационное развитие реабилитационного пространства, обеспечивающее высокую эффективность помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации в связи с употреблением наркотиков и расширение участия ННКО в государственной системе профилактики наркомании во взаимодействии со всеми заинтересованными сторонами».

Отмечены следующие стратегические направления проекта: создание унифицированной системы подготовки сотрудников — без участия государства это вообще вряд ли возможно сделать; развитие взаимодействия с заинтересованными сторонами; укрепление материальной базы; развитие системы обмена опытом; развитие регионального и межрегионального оперативного взаимодействия в рамках сектора ННКО; формирование инновационных площадок социальной реабилитации; разработка и внедрение эффективных технологий профилактики. Кроме того, подчеркну еще раз, в проекте сделана попытка подробно представить критерии оценки и механизмы реализации стратегии.

По истечении двух лет работы в проекте мы пришли к выводу, что, может быть, самыми важными секторами развития саморегулирования АННКО в данной сфере могут стать, конечно же, регионы, при условии формирования в них в инициативном порядке следующих институтов: центров сертификации; центров профессиональной подготовки и переподготовки сотрудников АННКО; координационных советов АННКО; советов по взаимодействию АННКО с властными структурами и многопрофильных экспертных сообществ, находящихся в оперативном взаимодействии с АННКО. При этом легитимность и стратегическая нацеленность процессов должна, безусловно, обеспечиваться государством. Спасибо за внимание.

Н.В. Гончаров: Спасибо, Татьяна Юрьевна, можно вам как профессионалу задать один вопрос? Скажите пожалуйста, какой слой общества вы считаете на сегодняшний день наиболее важным, чтобы хоть немного потрясти наркозависимость, рожденную на территории Российской Федерации? Что нужно для этого слоя? Я считаю, что основная масса и

основная наша боль на сегодня — это школьный возраст. Туда нацелены усилия наркосбытчиков, где легче всего вовлечь, нанести удар по нашему обществу и нашей социальной базе. Но, в то же время, ничего там организовывать не надо. Есть дом, в котором все это находится. И вокруг него у нас не развито того, о чем мы все сейчас говорим. И мы что, не можем ринуться туда все?

Т.Ю. Тагиева: Вы знаете, мне кажется, что здесь ключевой вопрос — о субкультурности того, что происходит. Вот есть субкультура наркомании — это определенная очень устойчивая вещь, за счет того, что есть четкое ценностное ядро. У нас, к сожалению, не сформирована субкультура, которая могла бы очень эффективно противостоять этой субкультуре. Большой социум сегодня, к сожалению, этого не делает, иначе у нас бы не было такого роста наркомании. И мне представляется, что это развитие антинаркотического сектора как раз и может внести очень большой вклад в формирование того, что мы называем «восстанавливающей субкультурой». Она будет способна вытеснять ценности наркотической субкультуры, и вот с этим вот уже можно будет идти в школу. А до тех пор, пока мы не сможем предъявить очень яркий ценностный набор и с его позиций организовать работу в школе, мне кажется, что работать со школьниками довольно трудно. Таков, во всяком случае, мой практический опыт.

Н.В. Гончаров: Я скажу еще пару слов. Если 30—40 лет назад школа-тысячник была своего рода глобальным достижением в обучении детей, то сегодня я считаю, что школа-тысячник — это место, где губят детей. Тысячу детей отвлечь от того, что мы сегодня обсуждаем, практически невозможно. Мы не сможем на них влиять. У них рождается собственное массовое психологическое восприятие того, что им более интересно, и мы никак его не разобьем. Кого бы мы туда ни сажали — пять психологов, десять школьных участковых и так далее. Мы только будем выявлять отдельные болевые точки, наказывать их, чуть-чуть разобщать, а нас снова будет накрывать, как зыбучие пески.

Может быть, государственная программа и должна строиться сегодня так, чтобы избавиться от этих огромных сборищ детворы, где невозможно регулировать процессы, которые сегодня наносят удар по тем вопросам, которые мы заостряем. Может быть наоборот, нужно заставить общество пойти по другому пути? Что такое 150—200 учащихся в нормальных условиях при наличии достаточного количества педагогов? Все дети под контролем, причем под реальным контролем. Ведь вы знаете, что когда дети попадают в закрытые школы, где учится 50 детишек, у них от скверных привычек очень быстро, через ме-

сяц — два не остается и половины? Они не курят, они не пьют, они вовремя ложатся спать, они идут, учатся готовить, учатся, как правильно себя обслужить, как погладить себе одежду и так далее. Через месяц вы с ними разговариваете другим языком. Вот, наверное, какая государственная программа должна быть изучена и предложена.

Т.Ю. Тагиева: Я допускаю, что да, но когда мы рассуждали как работать со школьниками, то говорили, что мы должны сформировать для них ценностный противовес. Давайте смотреть, где сегодня формируются ценности наших детей школьного возраста. Во многом это происходит, извините, «онлайн». И сегодня без привлечения IT-технологий невозможно влиять на этот процесс формирования ценностей. В то же время, у нас получается, что реабилитационное пространство или те, кто занимается первичной профилактикой, не связаны с IT-технологиями. Они сегодня не обладают тем уровнем умения работать в этом пространстве, которым обладают наши дети, школьники. Мне кажется, что это сложная система, но она требует разработки особой программы с четким пониманием, где происходят эти процессы, с кем они происходят, по каким технологиям они происходят.

Г.В. Зазулин: Хотел бы очень коротко поддержать ваш диалог. Тот факт, что ценности важны, никто не отрицает. Почему не происходит их становления? Мне кажется, что надо все-таки понимать конфликт государства и рынка. Обычного рынка. Потому что в данном случае, действительно, ведь очень велик рынок товаров, вредных для здоровья. И, в конечном счете, школа — это большая семья, а в обычной семье как защитить ребенка? Нам здесь проще понять друг друга, чем в остальных вопросах, потому что многие из нас были родителями. Вот за что я боролся? Я защищал своих детей, чтобы они не закурили. Если бы я здесь не победил, и мой ребенок начал бы курить, значит, первый барьер наркобезопасности я уже потерял. Школы сегодня этой позиции не занимают. Они до сих пор играют в «некурящие классы». Хотя уже в 2001 г. принят Федеральный закон об ограничении курения.

Когда я захожу в книжные магазины, я вижу сотни книжечек с различными федеральными законами. Я ни разу не встречал публикации с текстом этого закона. Почему? Задумайтесь. Ведь это можно даже специальное исследование сделать. В Белоруссии в административном кодексе есть статья — если люди курят в запрещенном месте, то получают штраф в несколько МРОТ. Почему же мы норму федерального закона, где определяются шесть мест, где запрещено курить, забыли довести до административного кодекса? Давайте подумаем, может быть, это еще не позд-

но сделать. А то дети как бы не понимают, что им нельзя курить. Вот если бы нам удалось показать наше взрослое общество таким, где все, кто курит, делают это в стеклянной клетке, тогда дети сразу бы это сообщение поняли — их можно высмеять. Сегодня это встретишь только в аэропорту. А во всех остальных общественных местах они курят почти рядом с нами, ничем не отделенные. И вы думаете, что мы сможем сформировать ценности, если мы не можем обезопасить своих детей, так изменить отношение к этому. Да кури на здоровье, только не мешай другим! Поэтому надо оснастить места досуга этими аквариумами — пусть в них сидят и травятся. Вот тогда детям не надо будет объяснять, что общество курение не принимает — сами сразу поймут. А если еще добавить в административный кодекс статью, как в белорусском — вообще всем все понятно станет. Спасибо.

Т.Ю. Тагиева: Я хочу Георгия Васильевича поддержать еще вот в каком плане. Я недавно была в школе, общалась с ребятами, и создается такое впечатление, что у нас с ними идет очень несерьезный разговор. Они у нас все время дети, а потом оканчивают школу и сразу становятся взрослыми. Значит, с ними надо намного раньше начинать говорить на взрослом языке, предъявлять им требования и требовать от них ответственности. У нас же какая-то психология «детскости» поразительно устойчиво сохраняется прямо до окончания школы. Ну не могут они потом в один день стать взрослыми. Надо делать их взрослыми и социально ответственными гораздо раньше.

Н.В. Гончаров: В то же время у них через интернет уже внутри все взрослое. Только они об этом не говорят.

Т.Ю. Тагиева: Если мы не даем им другого взрослого, то они получают именно это.

М.А. Кондратьев (игумен Мефодий), Руководитель Координационного Центра по противодействию наркомании при Синодальном отделе по церковной благотворительности и социальному служению Русской Православной Церкви: Я хотел бы выразить озабоченность Церкви. Сейчас мы говорим о взаимодействии государства и общества, но при этом во всем разговоре, хотя он и длительный, ни разу слова «церковь» не прозвучало, как будто ее, как таковой, и нет. Хотя Церковь — это самая могучая общественная организация на территории России, и у нас есть своя озабоченность в связи с теми законодательными актами, которые сейчас существуют в стране.

Здесь уже много говорилось о необходимости создания единого центра, который бы координировал усилия государства и общества по противодействию наркомании, наркотической угрозе. В церкви такой

центр в этом году уже создан. До этого церковь строила свою деятельность на работе отдельных священников, редко епархий. Сейчас при Синодальном отделе по церковной благотворительности и социальному служению создан Координационный Центр по противодействию наркомании. Кроме этого, в 2010 г. произошли следующие ключевые события: был подготовлен проект Концепции Русской Православной Церкви по реабилитации наркозависимых. Он прошел три чтения внутри Церкви с привлечением светских специалистов, он был размещен в Интернете, прошло его общественное обсуждение. В настоящее время он находится в Президиуме Межсоборного присутствия, надеемся, что в феврале 2011 г. он может быть принят Архиерейским собором. Это будет очень большим шагом в развитии деятельности Церкви по противодействию наркомании.

В настоящее время проходит разработка и апробация методологии собственно церковной реабилитации. Она проводится в одном из приходов, и я тоже в ней участвую. Скажу два слова о Координационном Центре по противодействию наркомании. Он взаимодействует с Координационным Советом, как своего рода совещательным органом, который входит в Совет Старейшин — священников, которые давно этим занимаются, чтобы более разумно выстраивать стратегию Церкви по развитию антинаркотической деятельности. Также он взаимодействует с экспертной группой, в которую входят не только священнослужители, но и светские специалисты высокого уровня, которые могут давать экспертные оценки по поводу церковных организаций, а также светских организаций, которые настроены на взаимодействие с церковью в этой области. Задача — это мониторинг, сбор и анализ информации, координация деятельности церковных организаций, создание, апробация и внедрение церковной методологии реабилитации, координация взаимодействия церковных реабилитационных структур с государственными и общественными организациями, анализ и экспертиза услуг по реабилитации, предлагаемых общественными организациями, с точки зрения православного мировоззрения. Вот это — основные задачи Координационного Центра.

Теперь два слова о концепции РПЦ по реабилитации наркозависимых. Это не очень большой документ, но он достаточно структурирован и говорит свое церковное слово в этой области. Там сформулированы основные принципы церковной реабилитации. Первый принцип: главным деятелем церковной реабилитации является Бог. Второй принцип — это включение реабилитационного процесса в жизнь церковной общины. Третий принцип — это компетентность и профессионализм членов церковной общины, участвующих в реабилитации. Подробно об этом я

говорить не буду из-за недостатка времени. Методология церковной реабилитации не выдумана из головы, она обобщает и структурирует опыт, который накоплен некоторыми церковными организациями, которые доказали свою устойчивость и эффективность в деле реабилитации. Там, где этот процесс органично вошел в жизнь церковных общин, использует многовековой опыт православной аскезы и в своих идейных основах основывается на православном вероучении. Важно, чтобы эта методология была транслирована с помощью тех возможностей, которые сейчас открываются у Церкви, в другие приходские и монашеские общины для развития реабилитационной деятельности Церкви.

Каковы ближайшие шаги Координационного Центра? Сейчас мы занимаемся мониторингом состояния системы церковной реабилитации, затем готовим XIX Международные Рождественские образовательные чтения совместно с ФСКН. Затем мы изучаем опыт построения реабилитации в других странах, в частности, в декабре мы едем в Польшу, затем в Литву, в Америку. Кстати, есть страны, в которых государственно-общественное партнерство, в том числе церковное, выстроено очень хорошо. Я думаю, что и нашим государственным мужам есть смысл посмотреть, что делается в других государствах, каков зарубежный опыт, который во многом можно перенести к нам. Затем, методология — завершение ее написания и апробация. В этом году произойдет налаживание взаимодействия с государственными структурами в деле борьбы с наркоманией. В декабре 2010 г. планируется подписание договора между РПЦ и ФСКН.

Теперь хотел бы высказать слово озабоченности. Когда принимаются законодательные акты, не принимается в расчет некоторая особая специфика Церкви — в данном случае Русской Православной Церкви. С точки зрения государства священник — вообще необразованный человек. Духовное образование — семинарское, академическое и, в том числе ученые звания — кандидат богословия, доктор богословия — никак не котируются в государстве. Поэтому, когда выпускаются законы об общественных организациях, получается так же, как в нашем сегодняшнем разговоре, когда слова «церковь» не упомянули. В законах слово «церковь» не упомянут, и Церковь окажется за бортом. Хотя деятельность Церкви, как общественной организации, в этой области достаточно эффективна. Эта деятельность еще недостаточно развита в самой Церкви, мы это прекрасно понимаем и сейчас направляем в эту область большие усилия. Потому что потенциал Церкви в деле противодействия наркомании и реабилитации наркозависимых, наверное, самый большой из существующих. Может

быть, в настоящий момент, он даже больше государственного потенциала в этой области — исходя из кадровых ресурсов, исходя из специфики церковной деятельности. У нас по всей стране существует множество приходов и монастырей, которые могут успешно заниматься реабилитацией на основе церковной методологии этой деятельности. Поэтому, когда принимаются законы, роль Церкви должна каким-то образом особо оговариваться. Двухтысячелетний опыт православной аскезы, духовная традиция показывает, что успешный священник в то же время является и квалифицированным социальным работником, и духовником-психиатром. Поэтому рассматривать священника можно сразу в двух ипостасях — и как социального работника, и как психиатра, если это будет прописано в законах. Какая-то равнозначность должна быть, иначе никакого лицензирования церковные центры не получают. Благодарю за внимание.

К.В. Бендас, Первый заместитель председателя — Управляющий делами ЦРО «Российский Объединенный Союз Христиан Веры Евангельской (пятидесятников)», член экспертного совета Комитета Государственной думы по делам общественных объединений и религиозных организаций: Конечно, в таком коротком выступлении невозможно охватить все темы. Тема противодействия наркомании и реабилитации для меня более чем знакома. С 1995 г. я непосредственно профессионально занимаюсь этим вопросом — и практической организацией реабилитационных центров, и консультированием, и в сфере скромного пока в нашей стране законодательства в этой области, работаю в Общественном совете ФСКН, участвую в ряде федеральных и региональных социальных проектов.

То, что я сейчас скажу, это, возможно, эмоциональный крик души. Я только что из аэропорта, прилетел из командировки в Мурманск. Там я побывал, как уже давно обещал, в маленьком городе Ковдор, с населением всего в 25 тысяч человек. Это самый край Мурманской губернии, дальше — только тундра. От Мурманска туда ведет двухполосная дорога в 350 километров, одноколейная железная дорога, где нет даже станции — вот такой моногород, выстроенный вокруг завода. На 25 тысяч населения там, по скромным подсчетам, полторы тысячи наркозависимых. При этом, насколько я, как человек способный рассуждать и анализировать, понимаю, при отсутствии аэропорта, железнодорожной станции, разветвленной системы перекрестков дорог и путей, ограничить ввоз наркотиков не так сложно. Но никого ничего не интересует.

Почему я приехал в этот городок? Три года назад религиозная организация — христианская протестантская церковь — обратилась ко мне с этой пробле-

мой, попросила как-то помочь. Мы дали им программы, методики, взяли людей, направили на стажировку в лучшие российские реабилитационные центры, подготовили кадры. В регионе сейчас расформируется ряд поселков и деревень, признанных бесперспективными, оттуда расселяют жителей, и я посоветовал обратиться за тем, чтобы от одного из отдаленных поселков не отрезали электричество и несколько домов передали им. Там можно организовать производство, трудотерапию и как-то помогать ребятам.

Законодательное собрание Мурманской губернии очень долго рассматривало это обращение, потом оно было отправлено на заключение ведущему наркологу, и нарколог выдал замечательный документ. К сожалению, его у меня нет с собой, он остался в багаже. Я хочу его не просто опубликовать, а походатайствовать, чтобы этого ведущего нарколога Мурманской области представили к какой-то серьезной государственной награде. Он пишет: «В Мурманской области состоит под наблюдением триста с лишним наркозависимых. Все они получают квалифицированную медицинскую помощь. Считаю, что открытие какого-либо реабилитационного центра или иной структуры нецелесообразно и не нужно. Все проблемы в сфере наркомании у нас благополучно решаются». Такую картину мы, на самом деле, имеем в значительной части наших регионов, только этой бумагой она доведена до абсурда.

Абсолютно правильно говорил сегодня Георгий Васильевич, и, насколько я понимаю, все его поддержали — необходимо разработать критерии оценки, формы и механизмы реального мониторинга — не по количеству освоённых бюджетных денег на мифические профилактические или иные программы, а на реальные дела, реальный мониторинг. И ответственность за это, я полагаю, прежде всего, надо возложить на губернаторов, и спрашивать с них. Почему сегодня ряд общественных организаций и Общественная Палата Российской Федерации смогли вложить в уста Президента слова о том, что одним из критериев оценки деятельности губернаторов будет отсутствие очередей в детские сады? И все засуетились, принялись выгонять из зданий детских садов различные конторы, истреблять очереди и так далее, и так далее. Видимо, если у нас действует только такое ручное управление, то ради спасения людей нужно включить подобное управление и в этой сфере.

Лет восемь назад появилась такая федеральная антинаркотическая профилактическая программа «Поезд в будущее». Я был одним из ее участников, оргкомитет возглавлял Георгий Сергеевич Полтавченко, нынешний Его Святейшество Патриарх — на тот момент глава Отдела внешних церковных связей владыка митрополит Кирилл, Виктор Васильевич

Черкесов — на тот момент глава Госнаркконтроля. Это была серьезная, хорошая, продуманная программа. И я наблюдал отношение губернаторов. Программа «Поезд в будущее» приходит в Иркутск. Пять дней идут профилактические акции, тренинги, обучение специалистов — Госнаркконтроля, МВД, наркологов, преподавателей, педагогов, специалистов в социальной сфере — и губернатор сам возглавил региональный оргкомитет и сказал: «Мы хотим, чтобы эта программа и опыт были у нас постоянно действующими». Они запустили систему мониторинга. Поезд уехал, а работа была продолжена, есть реальные результаты по снижению потребления, увеличилось количество задержаний и так далее.

Другой город и регион, не буду его называть, это центральная часть России. То же самое запускаем, губернатор возглавляет местный оргкомитет, через несколько дней звонок от вице-губернатора директору программы: «Сколько у вас миллионов бюджет? — Столько-то, 50% дает государство, на 50% мы находим спонсоров. — Ага, вот такая-то сумма должна быть завезена в понедельник». Директор отвечает: «Вы что-то перепутали, мы привлекаем волонтеров, у нас не хватает средств, мы не осваиваем деньги, мы реально помогаем людям. — Ничего не знаю, если этого не будет, мероприятие провалится». И оно провалилось. В этом городе и в этом регионе был полнейший саботаж, когда поступил негласный запрет директорам школ, колледжей, институтов, чтобы там проводились мероприятия, когда были закрыты клубы, ДК, площади. Я считаю, что руководитель с таким отношением — просто убийца, который должен получать в нашей стране возмездие и наказание.

На этом мне хотелось бы закончить, мое время исчерпано, но, простите, просто все кипит. Потому что я видел и вижу, я общался с матерями, и на руках выносил гниющих 15—17-летних подростков из подвалов, и в моей личной практике самый юный наркоман был восьмилетний. Его посадили на героин в таком возрасте собственные родители — тридцатилетние наркоманы. Нам нужно что-то делать, и очень хорошо, что мы собрались и что мы являемся единомышленниками. Спасибо.

О.А. Цимбал, руководитель лаборатории создания проектов развития, Институт демографии, миграции и регионального развития: Хотел бы поделиться тем достигнутым опытом, который появился в результате проведенных недавно двух конференций, о которых здесь уже говорил Ильнур Ильдарович. Была сформирована и первично опробована на лучших российских профессионалах в вопросах социальной реабилитации, которые там были собраны, следующая идея. Единицей практики, о которой требуется говорить, является не услуга конкретному персоналию

(это — тупиковый путь, я позже поясню свою мысль), а так называемая «специфическая практика» в отношении города. То есть, это устойчивая социальная единица, в которой и требуется произвести определенные преобразования. Это — несколько революционная мысль, которая задает совершенно другую управленческую практику, совершенно другая система требуется, для того, чтобы ее реализовать, другой аппарат и все другое.

Несколько слов в пояснение этой мысли. Во-первых, откуда это взялось. Трагический опыт, который есть в России в нескольких городах, где разными способами было фактически объявлено чрезвычайное положение разными способами, в том числе и непосредственно Президентом России, привело к тому, что у нас этот опыт появился. Есть несколько городов России, где удалось в течение очень короткого времени — буквально одного-двух лет, снизить наркотизацию в 10 раз. Фактически этот элементик — это то, что нужно допонимать, научно исследовать и после этого выстраивать ту эффективную практику, о которой мы все здесь думаем. Мы этот опыт описываем, будет издан сборник работ по итогам этих конференций, все заинтересованные лица смогут его получить, у нас на сайте он будет вывешен в электронном виде. Там будет подробно представлен структурно-деятельностный анализ этой технологии, которую мы практически исследуем уже полгода.

Почему, к сожалению, как мне кажется, концепция услуг наркоманам — тупиковая линия в мышлении, в том, чтобы фокусировать на это общественные ресурсы и внимание. Во-первых, несколько экономических цифр. Если мы говорим об услугах наркоманам, даже в рамках государственного центра, то процесс занимает, минимум, один год. Будет потрачено 600 тысяч рублей. Негосударственные центры, как правило, берут больше. Есть некоторые центры, которые в основе своей очень широко используют труд волонтеров, и там выстраивается специальный процесс, там эта цифра может быть снижена в 10 раз за счет того, что используется труд людей, они сами себя обеспечивают продуктами питания, на которые приходится достаточно большой расход — вот этот диапазон. Но проблема не в этом. Проблема в том, что эффективность этой практики — практически нулевая, потому что, в лучшем случае, к нормальной социальной жизни будут возвращены 5—7% этих людей.

С другой стороны, если посмотреть еще с одной стороны, то по отношению к общему числу наркоманов у нас есть менее одного процента количества мест, где мы можем их даже по такой технологии возвращать к нормальной жизни. То есть, большая часть наркоманов умрет, не дождавшись этой возможности.

А, более того, никто и не хочет туда ложиться, то есть даже те места, которые есть, они невостребованы. Какая тут картина? Есть масса точек зрения, моя точка зрения следующая. Та советская система, которая была, к сожалению, как все понимают, не развивалась, осталась в том же состоянии, а число наркоманов выросло в 20 раз. За вовлечением в наркотизацию лежат совершенно другие социальные процессы. Они стали более сложными, потому что советская наркомания была более просто устроена. Там были возможности воздействовать на человека идеологически, и она выросла на совершенно других принципах.

Сейчас необходимы технологии «реабилитации города». О каком типе практик идет речь? Фактически это вопрос информационной войны, которую ведут два субъекта. С одной стороны — это наркоиндустрия, которая вовлекает людей в наркотизацию, это субъект, который выстраивает свою очень эффективную систему. С другой стороны должна быть выстроена система, которая этих людей оттуда возвращает. Собственно говоря, если мы обсуждаем возвращение города, то информационное воздействие такого факта, как создание 1000 перспективных рабочих мест для молодежи, невозможно сопоставить с какими-либо программами по реабилитации. Этот фундаментальный факт тут же изменит всю практику жизни молодежи в этом городе, и она будет думать о другом. Она будет думать не о том, как делать себе карьеру на улице, в бандитском сообществе, а будет думать о том, как получить качественное образование, и, в конце концов, добиться этого рабочего места.

Или, например, еще один факт. Часто говорят «профилактика». Фактически, деньги сегодня тратятся, если применить практический подход, на две вещи. Во-первых, медики берут себе на программы детоксикации, во-вторых, мы тратим на профилактику. Всевозможные мероприятия, в частности, тут недавно назывался «Поезд в будущее». Вопрос в том, что содержанием этой профилактики может быть только одна вещь. Если мы выстраиваем, создаем, преобразуем высокое качество жизни молодежи, то это и есть профилактика. Если мы ничего не создаем, мы только пытаемся за счет манипулирования сознанием молодежи каким-то образом вывести ее из-под влияния, то это все бесперспективно. Более эффективные средства — у наркомафии, потому что они еще и наркотики дают, которые вызывают всевозможные измененные состояния и все прочее. Либо мы будем делать ставку на реальное преобразование качества жизни — а я знаком с работами по качеству жизни — в России они находятся в достаточно зачаточном состоянии. Если же говорить о такой специфической сфере, как качество жизни молодежи — то они вообще практически на нуле, это никто не исследует.

А именно это и должно стать основой профилактики. Спасибо.

Т.Ю. Тагиева: У меня масса вопросов и желание по целому ряду пунктов возразить. Во-первых, вы говорите о советской практике. Практика не видеть отдельного человека за городами и странами — это тоже, извините, советская практика. Если не видеть отдельного человека, то так можно зайти очень далеко. Потом, если говорить о повышении качества жизни, и не просто молодежи. Как вы собираетесь повысить качество жизни молодежи, не повышая качества жизни общества в целом? Если вы читали работы по тематике, то в этом вопросе есть определенная корреляция. Совершенно понятно, что, чем благополучнее общий социальный фон, тем легче снимается определенная часть проблем, связанных с уходом в наркотическую субкультуру.

В то же время, вы говорите о спасении городов. Здесь мы очень много говорили о том, что наркомания — это не только городское явление. Да, конечно, город — это важно. Но города, страны и так далее — это взаимодействующая система. Решая проблему в отдельных городах, мы столкнемся со своего рода сообщающимися сосудами, и, на самом деле, ничего не решим. Вопрос может идти о городской субкультуре, правильно, Георгий Васильевич? Города, действительно, могут быть более или менее благополучными с точки зрения формирования этих особенностей.

Г.В. Зазулин: С точки зрения управления антинаркотической деятельностью, мы, несомненно, должны оценивать города как более наркобезопасные и более наркопораженные. Коллега совершенно прав, эту единицу надо вставлять. Просто поймите, товарищи, когда мы говорим о том, что чем больше будет социализма, тем меньше будет наркомании — вы совершенно правы, но вы готовы в сегодняшних условиях вернуть в нашу страну социализм? Я так понимаю, что после выбора, сделанного в 1990-х, никто особенно назад не рвется, независимо от отдельных пожеланий. Жизнь в капиталистическом обществе подразумевает определенный уровень наркомании, который, бесспорно, выше, чем в любом социалистическом.

Давайте смотреть на проблему более узко, решать, как мы можем свести ее до сугубо медицинской, убрать общественную опасность этой проблемы. И здесь не надо думать, что в первую очередь мы — ваши оппоненты. Мы за, и за то, чтобы были рабочие места у молодежи, и образование для человека было целью, а не средством. Но это невозможно сделать реально, если вы не мечтатель.

О.А. Цимбал: Коллеги, я хотел бы ответить. К сожалению, я получил образование по организации

систем управления, и эмоциональный посыл мне немного чужд, поэтому давайте обсуждать профессионально.

В.К. Доронкин: Обсуждать профессионально — очень хорошее предложение. У нас в стране на наркологическом учете 555 тыс., а алкоголиков — 2,5 млн. Три миллиона человек, состоящих на наркологическом учете. Замечательно, конечно, оценивать города, а вот с этими людьми-то что делать?

Профилактика, создание рабочих мест — это все хорошо, нужно, как говорили раньше «архиважно». Я — за. Кто против рабочих мест, кто против оценки городов, кто против введения критериев в деятельность губернаторов? Надо со всех за это спрашивать. Надо с наркологов за это спрашивать, с социальных работников, с Государственной думы, с Президента. Со всех давайте спросим. Не надо говорить, что вот это вот плохо, вот это — не надо, социальная и медицинская реабилитация — это не то, куда надо направлять усилия. Везде нужно эту работу вести. Спасибо.

Т.Ю. Тагиева: Можно еще один аргумент? Практики скажут, что, у нас та молодежь, которая достаточно хорошо социально обеспечена, свободна от проблемы наркотизации? Там наркотизация ничуть не меньше.

М.А. Кондратьев: Наркомания была и в богатых странах.

О.А. Цимбал: Я не употреблял термин «уровень жизни», я употреблял термин «качество жизни». Они имеют некоторую корреляцию, но не связаны между собой.

Т.Ю. Тагиева: Мы в курсе, но они связаны, заметьте.

О.А. Цимбал: В том смысле, в котором говорите вы, они совершенно не связаны, а иногда противоположны. У нас сегодня качество жизни сверхбогатой молодежи очень низкое.

В.А. Черлин: Мне бы тоже хотелось сказать пару слов. Дело в том, что, если мы говорим как системщики, то тогда надо было бы говорить, что наркомания — это системное понятие. И в этой системе, безусловно, есть место и тому, на что, по вашим словам, следует обращать внимание. Здесь есть некоторые терминологические неувязки, но фактически это то, что я, например, назвал бы первичной профилактикой. Это и есть первичная профилактика, это целый комплекс первичных профилактик. Это — одна часть проблемы.

Вторая часть проблемы — это те люди, которые, уже по каким-то причинам оказались втянуты в эту проблему. Их, действительно, тоже нельзя выбрасывать. Мы с вами понимаем, что их не то количество, о котором тут сказал коллега, а их в десять раз больше.

Их огромное количество. А если мы сюда еще присокупим цифру реальных алкоголиков, то назвать ее вообще будет страшно. Так что если мы говорим о системе, то надо говорить о всех частях этой системы и о создании механизма, который бы работал с системой целиком, на всех уровнях.

Н.В. Гончаров: Мне хотелось бы немного скорректировать разговор, потому что накрывать научными терминами проблему — это не наша основная задача. Наша задача — использовать науку для того, чтобы понять, как выйти из этой ситуации, как решить эту проблему. Давайте полемику в таком ключе немножко отодвинем, она у нас уже заходит в большую глубину. Давайте поработаем и дадим друг другу возможность сформировать концепцию, которая будет базироваться на ваших мнениях. Если необходимо, мы можем встретиться еще раз. Ведь здесь много ученых. Я понимаю, что есть углубленное понимание этой проблемы, и, естественно, оно должно иметь прикладной ресурс. Для этого мы это и делаем. Есть изъяны в законодательстве, есть разрыв между усилиями различных ведомств. Как это все сформировать?

Мы затронули вопрос о том, что такое антинаркотическая комиссия на территории, в субъекте и почему мы не имеем никакого эффекта? Я немного знаю изнутри эту проблему и хочу вам сказать, что эта комиссия — надзиратель, и не более того. Не исполнитель. А мы ее должны перевести в другое качество. У нас надзирающих структур, являющихся законодателями в сфере формирования этих процессов достаточно — и на федеральном уровне, и на уровне часто упоминаемой нами Государственной думы, от которой зависит принятие законов. А как быть с исполнителями, которые и копейку из кармана не вынут, и проблеме не хотят так заострять, потому что считают, что от этого у них потом возникнут проблемы? И пусть ее возглавляет губернатор, председатель законодательного органа на территории, кто угодно — она все равно была в тупике и там остается. Вот как ее вытащить оттуда? Да, есть оценка деятельности губернатора и в этой сфере. А что она дает? У них огромный перечень проблем. Я заострил одну, потому что она мне видится именно в этом ключе. Ну, давайте соберем школу-трехтысячник. И чему мы там детей научим?

Вы не задумывались над тем, что, выйдя на Красную Площадь, когда там собираются десятки тысяч человек и начинает играть музыка, даже у того, кто не умеет танцевать, возникает совершенно особое ощущение и он начинает волей-неволей тоже притоптывать ногами? Если же он сидит в хорошем концертном зале и слушает хорошую музыку у него и настроение совершенно другое, и такт он не отбивает, и го-

лова нормально работает — потому что там нет обшего психоза, в который вовлекли всех. Причем это делается сплошь и рядом, везде и всюду. Таковую же аналогию я провожу и с огромным школьным коллективом, где каждый, увидев для себя интересный момент в виде мальчика, который закурил марихуану, тоже решил попробовать. То ли запах подошел, то ли настроение было такое. Дурных примеров очень много, как их проконтролировать в такой массе? Может быть, надо школы создавать не более чем для 100 человек? Но для этого нужны средства, их надо строить, готовить под это учебную базу. Нас же беспокоит больше всего наше молодое поколение, мы его те-ряем.

То же самое и в здоровье. Давайте поставим огромную клинику на 1000 мест. Ну и что? И будет там доктор бегать в течении дня из одной палаты в другую и станет к вечеру совсем никакой. Наверное, немного по-другому надо подходить к этим вопросам. Не знаю, наверное отец Мефодий, затрагивавший эту тему, слышал немного о Темнолесском реабилитационном центре, работающем на базе Ставропольской и Владикавказской епархии на территории Ставропольского края. Там трудотерапия, там все на вере. Они трудятся, работают, помогают друг другу. Некоторые уезжают, потом возвращаются, привозят туда людей. Их там не так много, всего десятка три, но они работают. Мы не можем возвести в рамки закона и указать церковь или мечеть — это будет неправильно. Но мы можем заключать любые соглашения. Кто запрещает, несмотря на то, что церковь отделена от государства, заниматься этой проблемой? Работа в этом направлении имеет не официальную федеральную поддержку, а поддержку всего общества. Наверное, это важнее, чем мы пропишем это в законе и родим огромное количество критики и стрел, которые пустят в нас все, в том числе, наверняка и энтузиасты в этом деле. Понимаете, какие проблемы могут возникнуть? Надо все это делом завоевывать.

М.А. Кондратьев (игумен Мефодий): Я хотел бы ответить на одну вашу реплику. Вы говорили о реабилитационных центрах, которые занимаются трудотерапией. К сожалению, поскольку общество не хочет заниматься наркозависимыми, ими занимается криминал, который берет их в больших количествах в оборот и занимается с ними «трудотерапией», то есть, по сути, рабским трудом. Этот момент тоже надо как-то отслеживать.

Н.В. Гончаров: Может быть, такие моменты и есть, я их не встречал, хотя и осведомлен в этой сфере достаточно глубоко. Я бы хотел чтобы вы, чтобы воспринять эту схему, пообщались бы с владыкой Ставропольским и Владикавказским Феофаном. Он вам все расскажет. Это он — инициатор, он это все сде-

лал и там есть достаточно серьезные успехи. Трудотерапия и вера настолько там сплелись, что люди, выйдя оттуда, иногда привозят туда тех, кто хотел бы вылечиться. Они привозят их, размещают там, помогают восстановиться. Я с ними встречался, поэтому знаю проблему и считаю что это — правильный путь. Но это — лишь частичка и крупица всех тех путей, которые можно использовать, в том числе базируясь на вашей концепции и ваших возможностях. Они действительно огромны. Но официально их озвучить или загнать в какой-то законодательный акт сегодня, я считаю, общество не готово. Посмотрите, что произошло с православным образованием в школах. Где-то оно прижилось, а где-то атакуют образовательные регионы с огромными усилиями, особенно там, где живет многонациональный народ.

М.А. Кондратьев (игумен Мефодий): Я понимаю, что законодательство, регулирующее отношения Церкви и государства — это очень сложный момент, но, когда оно принимается, может быть есть смысл приглашать представителей Церкви, чтобы они смогли выразить свою озабоченность.

Н.В. Гончаров: Когда идут предварительные слушания — конечно, это можно делать. Приглашать для консультаций, для общения, для того, чтобы учесть некоторые нюансы более тонко, чем мы учитываем, это можно сделать. Мы не возражаем.

К.В. Бендас: Позвольте маленькую реплику к сказанному. Как эксперт Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, хотел бы заметить, что отчасти законодательное решение этого вопроса существует. Не так давно, наверное, в апреле этого года, был принят Государственной думой и подписан Президентом ряд поправок к законодательным актам о социально ориентированных некоммерческих организациях. Он впервые ввел норму и возможность финансирования из бюджета, как федерального, так и регионального, в разных формах всех форм некоммерческих организаций, включая религиозные, занимающихся социальной деятельностью. В настоящее время в субъектах идет формирование реестров этих социально ориентированных организаций. Так что какой-то практический шаг со стороны государства в этом плане уже сделан.

М.А. Кондратьев (игумен Мефодий): По этому законопроекту хотел бы сказать, что в Санкт-Петербурге местные юристы сказали, что церковные организации к этим социально ориентированным организациям не относятся.

К.В. Бендас: Наши московские юристы, которые этим занимаются, готовы проконсультировать тех юристов и вразумить их, показав, что они неправы.

Т.В. Клименко: д.м.н, профессор, главный научный сотрудник Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского: Мне бы хотелось присоединиться ко всем тем предложениям, которые были здесь сегодня высказаны. Я их поддерживаю абсолютно, но, на мой взгляд, здесь сегодня не поднималась одна очень важная тема. Здесь все время говорилось о том, что кардинально изменить ситуацию без реальной политической воли невозможно. О какой политической воле может идти речь, когда на заседании Правительства делается доклад, в котором говорится, что за последние 10 лет у нас количество наркоманов принципиально не изменилось и последние 10 лет у нас есть плато? Ждать в такой ситуации какой-то реальной политической воли, наверное, не представляется возможным. Поэтому, мне кажется, что первый шаг, с которого надо начинать — это сделать ситуацию прозрачной и реально посмотреть на то, что из себя представляет наркоситуация в нашей стране.

Реальных цифр не знает никто. На учете в государственных наркологических учреждениях состоит 550 тысяч наркозависимых. Виктор Петрович Иванов, директор ФСКН, говорит, что их у нас 2,5 миллиона. Сколько их на самом деле? Может быть больше, а может быть меньше. У нас реабилитационных центров то ли 300, то ли 1000 — везде говорят разные цифры, никто не знает, как они работают, какие у них методики, никто не знает, много это или мало, сколько их вообще нужно — может быть, этого уже достаточно. Только сегодня было названо две цифры, показывающие, сколько человек у нас умирает ежегодно 10 тысяч и 30 тысяч. А еще есть цифра, что у нас ежегодно умирает 100 тысяч. Невозможно наметить стратегию лечения, стратегию исправления, если мы не поставили диагноз.

Поэтому, как мне кажется, первый шаг — это сделать прозрачной реальную наркоситуацию. Цифры, наверное, получатся некрасивые, все это будет очень неудобно, данные могут быть устрашающими. Но, например, когда в июне 2009 г. состоялось заседание Общественной Палаты, посвященное алкогольным проблемам, там были представлены цифры европейского мониторинга. Европейцы сказали, что наша страна последние 10 лет держит первое место по убийствам. В 2007 г. в нашей стране, в пересчете на 100 000 населения, было совершено, только вдумайтесь, в 50 раз больше убийств, чем в Великобритании, в 25 раз больше, чем в Хорватии и в 3 раза больше, чем на Украине. Это — чудовищные цифры. Наверное, если мы посмотрим на реальную ситуацию с наркотиками, она будет не менее печальной. Но невозможно ставить вопрос о политической воле, если до тех, кто принимает это решение, не донесены ре-

льные цифры. Поэтому с реальных цифр нужно начинать.

То, что эту ситуацию можно исправить — очевидно. В США за последние 10 лет, несмотря на то, что потребление наркотиков остается на достаточно высоком уровне, оно было снижено в 2 раза. В 2 раза за 10 лет — это очень серьезно. Все европейские страны действительно вышли на реальную стабилизацию по потреблению опиатов, амфетаминов, кокаина. Идет рост потребления каннабиса, но этому есть свое объяснение. Все эти цифры говорят о том, что, если к этой проблеме подойти комплексно, то возможны очень эффективные решения и достижение высоких целей. Но, конечно, все это должно быть комплексно, а комплексно это возможно сделать только при наличии некоего единого регулирующего и координирующего органа. Пока что мы действуем как лебедь, рак и щука.

Ситуация последних 10 лет показала, что идея межведомственного взаимодействия не срабатывает. Каждое ведомство либо тянет часть средств на себя, либо отказывается от той ответственности, которую оно, по идее, должно нести. Нет ни того, кто отвечает, ни того, кто делает. Так что координирующий орган обязательно должен быть. Этот орган обязательно должен поставить вопрос о создании единой законодательной базы. У нас ведь происходит очень занятая ситуация. Минздрав создает много разных приказов, которые, в частности, координируют реабилитацию, но они работают только в системе Минздрава. 500-й приказ «О реабилитации», закон «О порядке оказания наркологической помощи» работают только в системе Минздрава. В 1998 г. был издан приказ министра, запрещающий сайентологические технологии Рона Хаббарда. Но при этом работает целая сеть реабилитационных центров «Наркокон», где эти технологии используются, и этот приказ не имеет к ним никакого отношения. Абсолютно парадоксальная ситуация, ситуация абсолютного хаоса сложилась на рынке реабилитационных услуг. Это говорит о том, что нужно все-таки создать единую законодательную базу.

Уже много лет среди наркологов идет спор о том, подпадают ли наркозависимые и больные алкоголизмом под действие закона об оказании психиатрической помощи, и не нужно ли создавать свой, дополнительный закон. Но когда-то ведь все-таки нужно поставить точку в этом вопросе? Единая законодательная база — это основа основ. У нас громадное количество учреждений, которые занимаются профилактикой и реабилитацией. Это и государственные учреждения, и негосударственные, и коммерческие, и общественные, и конфессиональные самой разной направленности. Но должна же быть под это подведена

какая-то единая законодательная база. Создателем подобной законодательной базы, наверное, и должен стать тот единый координирующий орган, на который будут возложены и законодательные, и исполнительные функции, и ответственность. То, о чем говорил Владимир Александрович, нужна вертикальная составляющая. Я уже повторяюсь, идея межведомственного взаимодействия не срабатывает. Это главное. То, что обсуждалось потом, тоже очень важно, но, поверьте, это тактические вещи. А на таком высоком собрании надо решить именно вопросы стратегии, их продвигать, и тогда уже можно будет реально справиться со сложившейся ситуацией. Спасибо.

Г.В. Зазулин: То есть вы считаете, что ГАК не справляется с этими задачами как единый координирующий орган и должен быть расширен? Увеличен, с предоставлением ему законодательных возможностей? Я не понял.

Т.В. Клименко: Дело в том, что Виктор Петрович Иванов говорит о том, что у ГАК согласительные функции, и никаких других. Поэтому, видимо, ГАК нужно поднимать на более высокий уровень и давать ему более широкие полномочия. Потому что та роль, которая дана ему сейчас, является фактически номинальной. Они ничего не могут.

Г.А. Корчагина, заместитель по науке Директора ФГУ ННЦ наркологии: Большое спасибо за то, что представителей Минздрава пригласили на этот круглый стол. Мне бы хотелось поделиться некоторыми своими соображениями по поводу того, что здесь говорилось. Конечно, большинство сделанных предложений очень разумны, они требуют дальнейшего осмысления и внедрения в практику. Но что бы мне хотелось сказать по поводу межведомственного взаимодействия. Я в проблеме 30 лет, и 30 лет об этом говорят. Мне кажется, что мы должны понимать межведомственное взаимодействие не как единый закон, единую платформу, а как момент организации обсуждения. Что же касается исполнения, то ответственность за него должно нести то или иное ведомство, отвечающее за конкретную задачу.

Объясню, почему. Возьмем, например, Министерство здравоохранения, к которому я отношусь. Если за лечение будут отвечать многие другие структуры, мы все равно никогда не получим хорошего результата. Если за образовательную функцию будет отвечать кто-то еще, мы тоже не получим результата. Поэтому, наряду с предложениями Георгия Васильевича, который говорил об ответственности на региональном и муниципальном уровнях, я бы, все-таки, стала еще говорить и об ответственности и работе на уровне различных структур и ведомств. Что касается неоднократно звучавшего сегодня предложения о создании единого координационного центра. Мне ка-

жется, что Госнарконтроль, который возглавляет В.П. Иванов, достаточен для страны по кадрам, по функциям и по всему остальному. Или у вас есть какие-то другие мысли? Потому что, если будет создан еще один координационный орган, то мы погибнем в этих управляющих структурах. Точно так же как и создание отдельного специализированного органа по созданию стратегии снижения спроса на наркотики. Мы и так уже вокруг проблем, связанных с наркотиками, наплодили достаточное количество разных органов. Мне кажется, что создания Госнарконтроля более чем достаточно для управления страной в этом вопросе.

Также не могу не откомментировать неоднократно звучавшие сегодня высказывания о количестве наркоманов и его динамике. Мне бы хотелось, чтобы люди, работающие в этой области, четко понимали, что те цифры, которые озвучивает Минздрав — это количество наркоманов, обратившихся за медицинской помощью. Это — данные по обращаемости. Мы ни в коем случае со своей медицинской статистикой не претендуем на то, чтобы говорить о распространенности. Ни одна страна в мире, если мы читаем ежегодные доклады Управления по наркотикам ООН, не говорит о реальном числе наркоманов, находящихся в их стране, потому что методов их подсчета не существует. Существуют скрытые контингенты, которые мы можем высчитать только путем теоретических научных исследований. Но что делается в других странах? В других странах проводятся общенациональные исследования, когда выявляется уровень пораженности наркотиками. Когда у нас было проведено последнее такое исследование — я не знаю. Оно должно включать проведение полноценной репрезентативной выборки по всему взрослому населению страны. Это — дорогостоящее мероприятие, но тогда мы можем получить, опять же примерный, уровень распространенности потребления наркотиков. А реальное число наркоманов, которое хотят получить многие, определить невозможно, в силу того, что мы имеем дело с очень специфическим контингентом. Даже если мы его получим, что мы с ним будем делать?

Т.Ю. Тагиева: Можно реплику? Вы сказали, что достаточно такого органа, как ФСКН. У нас складывается практика, в ходе которой сегодня Минздравсоцзащиты, другие ведомства ФСКН не может посадить за стол для реальной работы. Так что мне кажется, что антинаркотический комитет все-таки должен возглавлять человек, который бы стоял над этой ведомственной разделенностью. Исходя из практики, его статус нужно повысить.

Н.В. Гончаров: То есть, вы считаете, что Антинаркотический комитет, являющийся главенствующим во всех стратегических вопросах борьбы с неза-

конным оборотом наркотиков и противодействия наркомафии, должен иметь более высокий уровень руководства.

Т.Ю. Тагиева: И, если так можно выразиться, вневедомственную природу.

Г.В. Зазулин: Буквально сейчас стало понятно, когда новая Стратегия подписана Президентом. Пункт 8 этой Стратегии гласит: «Руководит антинаркотической деятельностью в стране Президент». Что происходит на самом деле? Решения ГАК подписывает не Президент. Вот и все. Ларчик открывается просто. Как только решения Государственного антинаркотического комитета, в соответствии с новой Стратегией, будут подписываться Президентом, и Минздрав, и Минобр будут обязаны их выполнять. Пока их подписывает Иванов — ничего меняться не будет. Поэтому дело не в отсутствии полномочий. Просто здесь еще не пришли в соответствие форма и содержание.

О.А. Цимбал: Что касается борьбы со спросом, то, мне кажется, если строить иерархическую структуру, которую вы предлагаете, было бы целесообразно сделать в рамках ФСКН отдельный департамент по снижению спроса, внести для этого изменения в Указ Президента, который устанавливает положение о Федеральной службе по контролю за наркотиками, таким образом создастся иерархически жесткая федеральная структура.

Н.В. Гончаров: Мы не будем сейчас заниматься этим вопросом, тем более, что он требует более детальной проработки, в первую очередь на уровне тех, кого он касается.

В.А. Черлин: Буквально одно слово. Если мы говорим о том, что ФСКН у нас занимается борьбой с наркомафией, то мы, безусловно, прежде всего, говорим о полицейской, силовой части этой деятельности. Если мы говорим, о том, что противодействие спросу на наркотики — это такая же важная составляющая работы, то какая часть ФСКН занимается сейчас этой деятельностью?

Г.В. Зазулин: Только пополам надо делить, чтобы было равноценно, как прописано в Стратегии. А пойдут они на это?

В.А. Черлин: Правильно, ровно пополам.

Н.В. Гончаров: Теоретически мы можем предполагать что угодно. Давайте, если вам это интересно, и у вас есть такая возможность, вы исследуете этот вопрос, а мы на круглом столе готовы его обсудить.

Т.В. Клименко: Зачем его исследовать? Иванов и так везде говорит, что они — чисто полицейская структура. Во всех своих последних выступлениях.

Г.В. Зазулин: А как председатель Государственного антинаркотического комитета кто он тогда?

И. Э. Батыршин: По Указу Президента ФСКН действительно является чисто полицейской структурой. В этом-то и проблема.

Г.В. Зазулин: Не совсем мы можем с вами в этом согласиться. Как же, ведь там написано: заниматься координирующей деятельностью, заниматься политической функцией. Там это написано, посмотрите указ. Общество по-другому видит.

Н.В. Гончаров: Формировать государственную политику. Да, это полномочия, но в любом случае они требуют скоординированных усилий всех. В любом случае участники этого процесса — это и Минздрав, и Минобразования, Комитет по делам молодежи — все должны этим заниматься. Социальная сторона вопроса — это огромный сегмент, без которого ни одну задачу, даже полицейскую, решить невозможно.

В.К. Доронкин: К сожалению, Виктор Петрович в рамках ГАКа не может спрашивать с министерства здравоохранения.

Н.В. Гончаров: Только что один из вариантов решения проблемы был озвучен. Кто подпишет решение Антинаркотического комитета.

Е.Н. Мельников, председатель Совета Свердловской областной общественной организации «Антинаркотический центр «Спасение», г. Челябинск: Мне хотелось бы все-таки кратко представить свой доклад. Мы заявлены как представители Екатеринбург, но на самом деле мы только что переехали в Челябинск, где начинаем новый проект — строительство социального поселка для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. К разговору о региональных антинаркотических комиссиях. К нам поступил заказ от Управления ФСКН по Свердловской области в рамках решения, принятого на заседании антинаркотической комиссии Свердловской области от 3 сентября 2009 г. Он предусматривал разработку стандарта для некоммерческих организаций, которые занимаются социальной реабилитацией.

Мы разработали такой стандарт. Он называется «Антинаркотические некоммерческие организации. Цели, виды и принципы деятельности. Требования к социальному обслуживанию людей, попавших в трудную жизненную ситуацию в связи с употреблением наркотических средств и критерии оценки результативности основных направлений деятельности». Для разработки этого стандарта мы привлекали достаточно много экспертов — это и представители здравоохранения, и Роспотребнадзора, и соцзащиты, и юристы. Также в работе активно участвовали руководители реабилитационных программ. Проект стандарта год обсуждался в режиме «онлайн», в рассылке участвовало 250 электронных адресов. В результате, 2 марта 2010 г., согласно закону №184 «О техническом регулировании» этот стандарт был зарегистрирован.

Перед тем, как разработать стандарт, было проведено социологическое исследование, проходившее на средства, выделенные в качестве гранта Общественной Палатой. В нем приняло участие 1950 респондентов. Из них 60 чел. — представители властных структур, 27 — лидеров реабилитационных центров. Как раз это исследование определило конструкцию стандарта.

Были определены три проблемные точки. Первая проблемная точка — это отсутствие достаточно ясного представления о миссии, целях и задачах, формах деятельности некоммерческих организаций, адекватных для них формах взаимодействия с заинтересованными сторонами, в том числе властными структурами. Как с той стороны было непонятно, как взаимодействовать, так и с этой. Отсутствовали нормативные документы, конкретно определяющие требования к социальному обслуживанию людей, попавших в трудную жизненную ситуацию в связи с употреблением наркотических средств. Это то, о чем говорят коллеги-наркологи. Как определить социальную реабилитацию? То ли это медицинская, то ли не медицинская. Мы в стандарте также попытались описать эти процессы. Также отсутствовал объективный критерий оценки эффективности деятельности АНКО. Здесь мы тоже попытались описать критерий эффективности деятельности.

Также в стандарте, согласно закону, мы, кроме базовой терминологии, также постарались определить некоторые термины, такие, как «антинаркотическая некоммерческая организация», «заинтересованные стороны», «стратегическая цель», «наркотическая субкультура», «восстанавливающая субкультура», «социальная реабилитация людей, попавших в трудную жизненную ситуацию в связи с употреблением наркотических средств». Мы также описали там понятие «программа социальной реабилитации» и понятие «кейс-менеджмента». В первом разделе стандарта мы специально сделали отдельный подраздел, посвященный взаимодействию с заинтересованными сторонами, он выполнен с учетом требований международного стандарта AA 1000 SES «Взаимодействие с заинтересованными сторонами».

Во втором разделе мы как раз и описали принципы социального обслуживания людей, которые оказались в трудной жизненной ситуации, основные направления и формы социального обслуживания, также представлена базовая программа социальной ре-

билитации с выделением важных этапов. В стандарте также отражено то обстоятельство, что такая базовая программа реабилитации и ресоциализации действует в рамках восстанавливающей субкультуры, которая формирует у человека мировоззрение, содействующее интеграции человека в большой социум.

В третьем разделе у нас включена система оценки показателей деятельности организации, то есть это менеджмент организации. Первое — это показатели привлекаемых финансовых ресурсов и показатели привлекаемых человеческих ресурсов. Еще два показателя — это показатель результативности социальной реабилитации и показатель результативности профилактической работы. Кроме того, здесь представлена методика расчета показателей качества взаимодействия с заинтересованными сторонами. Все эти показатели загоняются в оценочный шаблон, который позволит составить достаточно полное представление о менеджменте конкретной некоммерческой организации. Кроме того, в стандарт мы включили 16 приложений — это документы для практического применения, рекомендации по наиболее сложным вопросам, а также критерии сертификации по данному стандарту.

Данный стандарт применяется в рамках системы добровольной сертификации, один центр уже прошел сертификацию, сейчас еще более 20 центров в 15 регионах страны подходят к этому этапу проведения сертификации. Сейчас идут этапы в Кемеровской и Самарской областях, там проходят диагностические аудиты и формирование экспертной комиссии по добровольной сертификации. Соответственно мы подключили для этого подготовку специалистов. После прохождения определенного курса обучения 120 чел. получили сертификаты внутренних аудиторов системы добровольной сертификации. Спасибо.

Н.В. Гончаров: Большое спасибо за сообщение, я более подробно ознакомлюсь с вашими предложениями. К сожалению, отведенное нам время вышло. То, что мы с вами сегодня обговорили, поработали, нуждается в углубленном изучении, вся эта информация запротоколирована. Надеюсь, что мы будем поддерживать связь друг с другом и вычленим то, что было наиболее важным из обсуждавшегося сегодня. Если возникнет необходимость поставить какие-либо вопросы и скорректировать какие-то документы, то это будет сделано. Большое спасибо всем участникам.